

*Общество развития русского исторического просвещения
«Двуглавый орел»*

*Отраденское районное общество историков-архивистов
во имя святого преподобного Нестора Летописца*

**ЛЕМНОССКИЙ ДНЕВНИК
юнкера Кубанского военного
училища им. Генерала М.В. Алексеева
Владимира Отрешко**

1920-1921 гг.

**Москва
2018**

УДК 94(470.6)
ББК 63.3(2) 235.7
Н 44

Н 44 Лемносский дневник юнкера Кубанского военного училища им. Генерала М.В. Алексеева Владимира Отрешко 1920-1921 гг. . Под ред. С.Г. Немченко.— Москва: изд. Надыршин А.Г., 2018. — 108 с.

ISBN 978-5-905789-04-8

Вниманию читателя предлагается первое издание ранее не публиковавшихся дневниковых записей юнкера Кубанского военного училища им. Генерала М.В. Алексеева Владимира Отрешко о его пребывании на о. Лемнос. Дневник был начат ещё в Крыму и велся с 30.X.1920 по 18.X.1921 г. Текст дневниковых записей выявил краевед Владимир Васильевич Винокуров (ст.Новоджерелиевская) во время работы в Государственном архиве Российской Федерации в 2014 году и передал для публикации редактору и составителю этого сборника С. Г. Немченко.

В качестве приложений к «Лемносскому дневнику» прилагаются статьи кандидата исторических наук А.В. Дюкарева «Екатеринодарская школа прапорщиков в событиях начала 1918 г.» и главного специалиста Государственного архива Краснодарского края А.О. Андреева «К 100-летию создания Кубанского генерала М.В.Алексеева военного училища в декабре 1918 г. в г. Екатеринодаре».

Издание выходит в год столетнего юбилея (декабрь 2018 года) образования юнкерского казачьего генерала М.В. Алексеева училища и посвящается светлой памяти тех, кто сложил свои головы в борьбе с большевизмом, пережил эмиграцию, храня верность Великой России в изгнании.

УДК 94(470.6)
ББК 63.3(2) 235.7

© Автор-составитель С.Г. Немченко, текст, 2018
© Изд. Надыршин А.Г., 2018

От составителя

Вниманию читателя предлагается первое издание ранее не публиковавшихся дневниковых записей юнкера Кубанского военного училища им. Генерала М.В. Алексеева Владимира Отрешко о его пребывании на о. Лемнос. Дневник был начат ещё в Крыму и велся с 30.X.1920 по 18.X.1921 г. Текст воспоминаний выявил краевед Владимир Васильевич Винокуров (ст.Новоджерелиевская) во время работы в Государственном архиве Российской Федерации в 2014 году, просматривая дело №788 из Ф.5881: «Дневники и записные книжки Отрешко В. “Лемнос. 1920-1921 гг.”». Внизу дела имелось пояснение: «Отрешко Владимир, юнкер Кубанского военного училища им. ген. Алексеева, белоэмигрант». Эта запись стала отправной точкой для краеведческого поиска.

Автором дневниковых записок, как удалось впоследствии установить, был Владимир Пантелеймонович Отрешко – казак ст. Полтавской (?), во ВСЮР и Русской Армии – юнкер конной сотни Кубанского ген. Алексеева военного училища. Летом 1920 г. в период квартирования КАВУ в Феодосии, дивизион училища в составе двух пластунских и одной конной сотен со 2 по 9 июля участвовал в походе против зеленых в районе Старого Крыма (Судак). Владимир Отрешко участвовал в десанте на Кубань в июле-августе 1920 г., был награжден Георгиевским крестом 4 ст. № 1240691. В сентябре-октябре 1920 года вместе с личным составом училища принял участие в походе против «зелёных». А 1 ноября юнкера училища, среди них был и В. Отрешко, уже были погружены на транспорт «Дон» в Феодосии и через двенадцать дней, 12 ноября 1920 года, прибыли на греческий остров Лемнос.

Нелегкая судьба русских белоэмигрантов на острове подробно описана в замечательной книге кандидата исторических наук генерал-лейтенанта Леонида Петровича Решетникова «Русский Лемнос». На Лемносе для личного состава училища для поддержания боеготовности и дисциплины были организованы систематические занятия со стрельбами и верховой ездой, но мелочи быта, трагические условия выживания, настроения, отношения с местной властью можно найти только в дневниках. По просьбе французских воен-

ных властей, на юнкеров была возложена охрана греческих селений. 21 февраля 1921 года начальником училища был назначен генерал-майор О.И. Лебедев. Этот период и описывается автором дневниковых записей.

30 августа 1921 году училище на транспорте № 412 было эвакуировано в Болгарию, куда прибыло 5 сентября и расквартировано в казармах города Тырново-Сеймен. Начался болгарский период в жизни В.П. Отрешко. Здесь училище произвело два полноценных выпуска офицеров, из которых последний состоялся 1 сентября 1922 года. После последнего выпуска чины училища для обеспечения своего существования перешли на различные работы. После преобразования армии в Российский общевойсковой союз (РОВС) училище представляло собой официально (несмотря на распыление офицеров по разным странам) кадрированную часть в составе Кубанской казачьей дивизии. Офицеры последних выпусков были оставлены прикомандированными к училищу. В годы эмиграции В.П. Отрешко находился в Болгарии в составе училища, затем перебрался в Чехословакию, был членом Общества русских, окончивших вузы в Чехословакии в 1926-1931 гг. Какое высшее учебное заведение он окончил, кем работал (и работал ли?), как сложилась дальнейшая его судьба, удалось ли создать ему семью, – неизвестно.

Текст записей В.П. Отрешко публикуется по ксерокопиям, которые любезно передал нам краевед В.В. Винокуров. Дневниковые записи автор вел на тетрадных листах в клеточку, уборым почерком, писал практически без помарок и исправлений, что говорит о его незаурядных литературных задатках. В поле зрения молодого мемуариста попадали подробности жизни и быта русских эмигрантов, в основном военных, оказавшихся в «лемносском пленении». Название «Лемносский дневник юнкера Кубанского военного училища им. Генерала М.В. Алексева Владимира Отрешко. 1920-1921 гг.» дано при подготовке издания.

В качестве приложений к «Лемносскому дневнику» публикуем статьи кандидата исторических наук А.В. Дюкарева «Екатеринодарская школа прапорщиков в событиях начала 1918 г.» и главного специалиста Государственного архива Краснодарского края А.О. Андреева «К 100-летию создания Кубанского генерала М.В. Алексева военного училища в

декабре 1918 г. в г. Екатеринодаре». В статьях, основанных на недавно выявленных архивных материалах, воссоздается политическая и социально-историческая обстановка, в которой находился юнкер Владимир Отрешко в самом начале Гражданской войны. Текст дневника, в части персоналий, любезно согласился прокомментировать военный историк П.Н. Стрелянов-Калабухов (г. Москва). Макет издания подготовил издатель А.Г.Надыршин (г. Ставрополь). Мы искренне признательны всем, кто способствовал этому изданию, и благодарим за неравнодушное отношение к деяниям наших соотечественников, память о которых должна бережно храниться.

Это скромное издание выходит в год столетнего юбилея (декабрь 2018 года) образования юнкерского казачьего генерала М.В. Алексева училища и посвящается светлой памяти тех, кто сложил свои головы в борьбе с большевизмом, пережил эмиграцию, храня верность Великой России в изгнании. В тексте дневниковых записей В.Отрешко сохранены авторские орфография, пунктуация и сокращения.

С.Г. Немченко,
*председатель Отрадненского районного общества
историков-архивистов во имя святого преподобного
Нестора Летописца*

ЛЕМНОС

1920-1921 гг.

30.X. Выехали из Судака и прибыли в Феодосию.

31.X. Погрузка на пароход.

1.XI. Вышел наш пароход «Дон» в море.

В море

2.XI. На наш пароход из «Ген. Корнилова» заходил ген. Врангель[1] к генералу Фостикову[2], стало известно, что будем или охранять Дарданеллы на смену «Лиги Наций», или через Румынию на Польский фронт против большевиков.

3.XI. Наш пароход идет очень быстро – обгоняет несколько пароходов, впереди идущих.

4.XI. Подходим и проходим Константинополь через Босфор. Узкий, очень живописный пролив.

5.XI. К пароходу подходили лодки турецкие с белым хлебом – продавали хлеб по 45 коп. русск. серебром, потом по рублю, и наконец брали только французские деньги – 5фр. за хлеб.

Совещание главнокомандующего с представителями держав. Вечером стало известно, что инвалиды, раненые и больные, со всех пароходов перегружаются на специальный пароход. Сербия согласна принять 15000; Больных, раненых и инвалидов расположат вблизи Константинополя. Русские, живущие в Константинополе, маленькими партиями присылали хлеб, коньяк, инжир. Записывали всех, имеющих родственников, в Константинополь – с тем, что их якобы выгрузят и разрешат жить на берегу. Кормят плохо: до 4-го ели хлеб Феодосийский и кормились продуктами, взятыми из Феодосии – селедки и галушки с консервами. За водой или за кипятком надо стоять часа два, последние 2 дня кипятки дают только раненым и больным по записке врача. Как только наш пароход подошел к Константинополю, подъехала к нам канонерка и капитан её – турок, спрашивал нашего капитана парохода по-французски. Вопрос: какой пароход? – «Дон»; откуда прибыл? – из Феодосии; сколько пассажиров? – 7000;

Главнокомандующий ведет на берегу переговоры с представителями держав. Слух – большевики хотят у Румынии взять Бессарабию, вторгнувшись в нее. Румыны спешно мобилизуются, возможна война. Слух – машинисты получили приказание растопить все котлы, а интендантам дают 8-ми дневный запас хлеба – якобы пойдем в Алжир – наш флот перешел под покровительство Франции, поэтому на мачтах пароходов и военных судов над русским флагом, развеваются французский. Прощай, Русская Земля! Говорят, что на судах 140000 человек русских, а еще около Керчи идет погрузка на суда, поэтому якобы к Керчи послан военный флот на поддержку грузящихся. Алексеевская школа якобы осталась в Крыму, ее захватили большевики, а Корниловская школа до сих пор грузится в Керчи. 5-го получено приказание всем воинским частям сдать все оружие и патроны в полковые и ротные цейхгаузы, могут остаться только шашки, у офицеров остаются револьверы разряженные и шашки; юнкера, подпрапорщики и подхорунжие приравни-

Транспорт «Дон»

ваются к офицерам. Наше училище, Константиновское, и какая-то инженерная рота – единственная часть, у которых сохранилось все оружие и все люди во время и по погрузке, остальные же пассажиры – это масса, оторвавшаяся от своих частей и на судах смотавшаяся. На нашем пароходе таких людей поручено нашему комсоту полка Деревлёву[3] и хор. Полянскому[4] сводить в команды по 100 человек для получения пищи и хлеба; 5-го вечером в первый раз получили из Константинополя белый хлеб; по 1/2 хлеба получили все женщины. Остальной был роздан мужчинам, досталось по 1/10 хлеба на человека. Грязь и теснота на пароходе ужасная. Между людьми парохода идет мена ботинок на безрукавки, безрукавки меняли на консервы и хлеб и т. д. У людей масса новых различных вещей из обмундирования; вещи эти брались, вернее, грабились из пакгаузов (в день погрузки), находящихся на берегу у пристани Феодосии. В складах находили шоколад, сахар, чай, табак, какао, консервы, ботинки, брюки, френчи, безрукавки, тулупы и т.д. Тащили все и всё, кто сколько мог и только последним пассажирам за

Экипаж транспорта «Дон»

неимением места на пароходе приходилось оставлять все вещи на берегу ввиду ограниченного количества воды — вода выдается только для питья, и поэтому с самого выезда из Феодосии никто не умывался и не мыл рук. У многих из пассажиров бумажные денежные знаки (Крымского правительства) еще далеко не потеряли свою ценность; так, у некоторых можно купить папиросы за 10000 руб., или же револьвер за 135000 руб. Играют в карты на деньги. На наш пароход получена большая партия белого хлеба, консервированного молока и шоколада. Хлеб-то получим, а остальное? Кому попадёт? Консервы, молоко и шоколад прислали, якобы, Союз русских дам в Константинополе – раненым и женщинам.

6.XI. Говорят, что пароход «Лазарь», вышедший днем позже нас из Керчи – с донцами, благодаря страшной буре затонул! Записывали – кто говорит по-немецки, по-французски, записывали морских офицеров – вообще записей много, но пока что дело дальше этого не идет.

7.XI. Стоим 4-й день вблизи у Стамбула, ввиду перегруженности Константинополя никого выгружать здесь на берег не будут. Ген. Ковальский говорил, что регулярные войска и военные училища будут выгружены на Галлиполи, а остальные с Кубанским корпусом будут выгружаться на о. Лемнос, и что сегодня же отправимся в путь; плавания до Галлиполи несколько часов, но ввиду перегруженности пароходов и их тихого хода путь продолжится, вероятно, на целый день – расстояние же всего 60 верст. Завтра наш училищный праздник. Вчера выдали по 1/5 хлеба, по 1/5 коробки французских консервов, по 1 галете, кроме селедки и обеда из галушек! Часов в 10 полк. Деревлёв прочел приказ главнокомандующего по войскам, приехавшим из Феодосии: Кубанский корпус отправляется на о. Лемнос, туда же пойдёт и наше Алексеевское военное училище. I корпус, II корпус, 6-я дивизия, конница (регул.) и конная артиллерия сгрузятся в Галлиполи, там же и Константиновское военное училище. Вспомнились последние дни на Русской земле – Крым, Судак. После неудачного Кубанского десанта, с высадкой у Приморско-Ахтарской, наше училище было послано на борьбу против «Зеленых» в Крыму – в Судак. В такую трудную борьбу шли с неохотой, но через короткое время все-таки сошлись с обитателями Судака, что, в конце концов, и не хотелось оттуда уезжать. Памятен вечер 20-го октября, на кото-

ром были в тесном приятельском кружке с приглашенными Судачанами. Как бы в последний раз прощались с родной землей. Говорят, что из Константинополя нас хотели везти на Кубань – якобы часть Кубани очищена от большевиков казаками, не уехавшими с ген. Фостиковым, но ввиду того, что кубанские казаки в большинстве якобы погрузились на пароход с мешками и без винтовок и патрон, то нас и повезли в Константинополь и дальше. Завтра наш училищный праздник. Полковник Луценко[5] – «начхоз» говорит, что завтра выдадут нам по 1 галете, дадут сахар и будут кипятить чай – специально для нашего училища.

8.XI. Наш училищный праздник. С самого утра каждая сотня и взводы дали в артелку точные сведения о количестве людей – после чего начали выдавать съестные продукты; в общем, на человека пришлось: 1 селедка, 1/2 банки маленьких французских консервов, по 1/2 кружки (0,5 л) сахару, по чайной ложке чая и по 1 кружке мелких галет и по 1/6 хлеба. Потом, где помещалось наше училище, насколько было возможно, было убрано, а в 11 часов утра был отслужен молебен в присутствии ген. Фостикова (ком. Куб. корп.), ген. Болтунова [6] – начуча наших всех офицеров и командира корабля. Стояли в строю; после молебна были произнесены здравицы ген. Врангелю и Кубанскому атаману, им же начальник училища послал телеграммы с выражением чувств преданности. Ген. Фостиков обратился к нам и выразил следующую мысль: оружие у всех отобрано кроме юнкеров, и дальше, развивая свою мысль, сказал, что юнкера будут ему опорой к дням формирования армии. Сердечно поздравлял нас начуч. Константиновцев – юнкера же выразили свое поздравление громким: «Ура!». Мы отвечали тем же. После молебна и поздравительных церемоний мы были распущены и через 1/2 часа дали специально для нас приготовленный кипяток, и уже хотя бы этим чувствовалось повышенное настроение. Получено поздравление от Корниловцев. Идет дождь, поэтому в трюме народу полно и духота ужасная. Ночью же творилось что-то невероятное – пассажиров все время перегоняли с одного борта на другой. Дело в том, что на море была небольшая зыбь, а кроме того неравномерно распределен был груз парохода (уголь), а люди, как быстро перемещающийся балласт, целую ночь передвигались с места на место, поддерживая равновесие парохода.

9.XI. Утром получено приказание: Донцам, Астраханцам и Терцам выделиться из общей массы – их перегрузят на американский крейсер, который уже стоит вблизи «Дона» и отправят в предместья Константинополя. «Дон» же с остальными в 4 часа дня должен отплыть к о. Лемнос. Вчера вечером на сегодня дали один хлеб на двоих. Слух – Франция начинает военные действия против Германии, и в связи с этим наше училище, Константиновское и Новочеркасское после выгрузки на о. Лемнос перевезут в Марсель. В 9 часов вечера наш пароход наконец тронулся, взяв курс на о. Лемнос. Дорогой на о. Лемнос признали – Галлиполи очень неприветливый полуостров.

11.XI. Рано утром приплыли на о. Лемнос. К полудню пришла, наконец, очередь и нашему училищу пересечь на баржу. И катер дотянул нас до Земли. За время такого тяжелого и нудного путешествия Земля стала для каждого желанным и многообещающим словом. Вступили на голый – без одной растиночки скалистый берег, но настроение было бодрое и веселое – морское путешествие окончено. Интересно, что проходя мимо нашего расположения (вечером)

На корабле перед высадкой

англичане несли по видимому себе к ужину кур, но раздали их женам наших офицеров, что-то говоря по-английски. Ночь провели под открытым небом, винтовки составили в козлы, а с вещами под головой, прижавшись друг к другу, спали на каменной земле.

11.XI.-11.XII. Выдали палатки, разместились очень тесно. 12 человек на палатку (маленькую); продукты сначала

Высадка на Лемносе

выдавали на руки, потом стали варить в общем котле, паек распределялся следующим образом на человека: 1/2 крынки муки, 2/3 банки французских консервов, 1/3 кружки консервированного картофеля, 1/10 кружки фасоли, 1/25 кружки чая, 3 золотн. сахара, 1,25 фунта хлеба, но такая доля очень редка – обыкновенно 1/4 фунта хлеба и 1/2 фунта галет, 3 золотника кокосового масла и 1/2 кубика супу – в общем, были все довольны и сыты. Когда в целях экономии топлива стали варить в общем котле – все голодают! День распределен так: в 8 часов утра подъем, в 8-45 молитва, после молитвы кипяток (кружка на человека), часа в 2-3 обед – иначе – постная кипяченая вода – порция в 1/4 фунта мяса; в 7 вечера ужин – то же, что и на обед, и позднее вечером выдают хлеб, чай и сахар.

26.XI. Ген. Фостиков хотел устроить парад и поэтому все переплывшие русские войска приводились в порядок, и везде было строевое учение, но 26 пошел дождь и парад не состоялся; на параде, как говорят, должен был присутствовать генерал Бруссо (французский генерал, командующий всеми войсками, находящимися на о. Лемнос), парад был отложен,

Понемногу устроившись

но генерал Бруссо, узнав, что русские войска расхищают французское интендантство, рассердился и приказал отменить парад, отказавшись также и от завтрака, на который его приглашал ген. Фостиков. Дело в том, что **28.11** наша 2-я (пластунская) сотня была в карауле у французского интендантства – голод был велик, но соблазн еще больше, и

Фостиков Михаил Архипович

юнкера, как из караула, так и из сотни, украли из интендантства в большом количестве муку, консервы, галеты и много ценных съестных продуктов. И воры были замечены чернокожим, неподалеку стоявшим на часах, который и поднял тревогу. На следующий день обыск во 2-й сотне, в результате чего найдены галеты, консервы и прочее – и французы сейчас же арестовали весь корпус и отправили в штаб корпуса – дальнейшая судьба арестованных пока неизвестна – известно только то, что недавно один из казаков украл фунта 3 муки и за это французское командование приговорило его, якобы, к 10 годам каторги – по-видимому, и наших будут судить французы, если не вмешается наше командование. Записывали, у кого сколько русских денег, якобы для обмена их на французскую монету, но потом это заглохло.

На **12-13 декабря** в наказание за кражу приказано выдать нам вместо 1, ¹/₂ фунтов хлеба, 1 фунт, но дают гораздо меньше; так, 4-х фунтовый хлеб на 5 человек. Или же на 14-е дают 1 хлеб на 10 человек – ввиду из ряда вон выходящего скверного питания юнкера и казаки думают как-нибудь

«Питательный пункт для слабосильных»

и куда-нибудь удрать из о. Лемноса, и почти у всех одна мысль – пробраться к националисту Кемаль-паше, хотя и говорят, что сейчас его дела плохи. Упорно также говорят, что большевики по радио приглашают нас всех к Новому году вернуться в Россию – в противном случае семьи уехавших будут считаться вне закона.

13.XII. Вчера вечером на сегодня выдали 1/8 (4-х фунт.) хлеба и 1/6 котелка галет на человека (голод!). Вчера обед был в 7 часов вечера (ужина не было). Кроме всего этого установили занятия: с 9 утра до 1 часа дня – классные занятия (от 1-2 должен быть обед) и после обеда строевые занятия, но обеда в 2 часа никогда не бывает, и поэтому люди целый день голодны. Пришел транспорт «Дон», говорят, что 18.12 нас погрузят и куда-то повезут. Франция нас как войска не признает, и предлагает желающим на 5 лет к себе в колониальные войска. Ох и надоело же сидеть на этом проклятом острове.

14.XII. Ген. Бруссо, как недовольный нашим училищем (в связи с последними событиями), приказал перенести лагерь училища подальше от интендантства, и новое расположение гораздо хуже старого: глина, топко, грязно. К Рождеству все немного устроились.

(7/1 – 25/12) праздник Рождества Христова, пищу улучшили только тем, что дали 3 хлеба на 5 человек, остальное все обычным порядком. В нашей палаточной компании экономия – хлеба, консервов и саломаса дала возможность устроить встречу Р. Х. немного лучше остальных. За время до 9/1 наше положение заметно улучшилось: устроили кухни, стало больше порядку у котлов, обеда – сытные и вкусные, и продукты на руки стали выдавать более или менее нормально, без прежних скачков (1/2 хлеба, 1/7 б.фр. консервов, саломас, сахар, чай), в общем, голод в прежней мере не чувствуется. Говорят и утверждают, что официально наша армия признана Европейскими державами и ген. Врангель якобы пойдет нас поздравлять. Новый год встречали лучше, чем Р. Х. Так, для каждой сотни дана была особая большая палатка, в которых и была предназначена – в более или менее товарищеской обстановке – встреча Н.Г. В 11 часов вечера был отслужен молебен в церкви – специальной двойной палатке (больших) с иконами, нужно сказать – художественно писанными нашими училищными мастерами. К 12 часам

все сотни уже находились в предназначенных им палатках и ждали на приходе ком. корпуса ген. Фостикова. В палатках были установлены столы, покрытые одеялами, и перед каждым стоящим у стола лежал листик чистой белой бумаги, на которой было 2 пирожка, пирожное, апельсин и кружка вина. После поздравлений каждый съел ему полагающееся, было немного шуток и веселья. А потом разошлись по своим палаткам. 6.I. (19.I. нового стиля) было что-то вроде парада, от училища ходила наша сотня. Немного времени спустя в училище отобрали несколько палаток, пришлось потесниться. Полковник Теньков, командир инженерного взвода, говорил, что приблизительно через месяц училище будет переведено на материк.

26.I. Несколько дней тому назад послали наших юнкеров в греческие селения (находится первое селение от нашего расположения верстах в 5-ти) изловить бродивших там казаков. Это был первый выход за узкий перешеек, деливший нас от греков, и первое наше соприкосновение с внешним миром, что, конечно, ходившим доставило огромное удовольствие,

В греческой деревне. Лемнос

и ходившие рассказывают следующее: по приходу в селение их окружила толпа ребятишек, просящая хлеба, но наши сами ждали, что греки их накормят, но не тут-то было, греки совсем не гостеприимны – возможно, потому, что им надоели своим попрошайничеством бродившие русские – во всяком случае, попрошайки, как видно, им надоели на самом деле, потому что как только греки узнали о цели прихода взвода (30-ти человек под командой полк. Кузнецова), то сейчас же стали указывать, где находятся русские, которых и вылавливали, немедленно отправляя в штаб корпуса... Род занятий греков – торговля, товары в виде инжира, яблок, ириса, апельсин, табаку, сахару, халвы и прочее, на двух ослах перевозятся из селения в селение. Землю пашут своеобразно, на землю сначала бросают зерно (ячмень, пшеницу), а потом эту землю пашут, вернее присыпают разбросанные зерна, заметно также разведение овцеводства; очень падки на всевозможную одежду и оружие (револьверы), которые и покупают за бесценок у голодных русских. Цены стоят приблизительно такие: браунинг – 65-80 драхм, наган – 20-35, ботинки новые английские – 25, шинель – 25- 40, золотое кольцо – 25. Но русские их часто надувают (и поделом!), к слову сказать – покупка греками и продажа русскими казенного обмундирования преследуется здесь французской жандармерией – и это как наилучшее средство служило за надувательство греков. Так, продавец указывал из под полы греку только один ботинок – новый, торгуясь с греком как за пару новых хороших ботинок, выторговывал нужную сумму – продавец получал деньги, совал впопыхах к новому ботинку старый поношенный, кричал «франсе, франсе» – и испуганный грек и хитрый русский разбежались в разные стороны. Со вторым новым ботинком проделывалась такая же история. За нашу пятисотку крымскую можно купить даже кусок хлеба, греки почему-то бросаются на эту синенькую бумажечку, принимая ее, вероятно, за кредитный билет большой ценности, за который они впоследствии получают много драки, и кто имеет много пятисоток – всегда имеет паек, в последнее время такой: 1/2 хлеба, утром чай, 1/12 кружки сахара, 200 гр. консервы и на обед галушки с фасолью – в общем, ничего. Страшная скука и тоска по дому и родным. Иногда играю в шахматы, между игроками решено создать клуб шахматистов. Жизнь разбивается по

мелочам, живем впроголодь, и исключена всякая возможность удовлетворить свои личные потребности – подобраем голодным, рыскающим зверям. В каждой палатке назначается дежурный палатки. Обязанность каждого состоит в том, чтобы поддерживать порядок и чистоту в палатках. Ходить за обедом, кипятком, готовить чай. После утренней молитвы юнкера расходятся по палаткам. Дежурные к этому времени приносят чай. Хозяин собрания (есть в каждой палатке, в нашей я) делит хлеб, сахар, консервы, потом гадают, какой кусочек кому принадлежит, и потом уже все усаживаются за еду. Если галушки едятся из общей миски, то по правилам палатки больше одной галушки за один раз в ложку брать нельзя, в других палатках нет таких правил, а потому, вероятней, и живут там сварливей. Ввиду того, что в селениях со стороны русских были вооруженные нападения на греков, то приказано отобрать револьверы, и наш «Барбос» сказал, у кого увижу револьвер – отберу, а его владельца выставлю под винтовку. Такое как бы снисходительное распоряжение, вернее заявление «Барбоса», объясняется тем, что согласно распоряжению Бруссо – желающему предотвратить вооруженные нападения на греков со стороны русских, комсот, конечно, должен был сделать соответствующее распоряжение, и тем как бы отбыть отданное ему приказание, с другой стороны, в нашем лагере появились большевистские провокаторы и даже говорят, был раскрыт большевистский заговор, и у одного из заговорщиков (чиновников) найдены списки всего корпуса и разные документы, предназначенные для отсылки в Совдепию, и в связи с этим рекомендуется офицерам ходить с револьверами (скрытыми под одеждой).

30.1. Оказывается, завелись у нас большевики, и все от того, что французское правительство покровительствует советскому шпиону, приехавшему из Совдепии. Вечером произошло следующее: часов в 8 вечера прибежал во взвод Вел. [7] и запыхавшись, беспорядочно и второпях рассказал, что видел совдепщика собственными глазами в корпусном лазарете, который в деревянных бараках помещался, как раз за нашим училищем, немедленно же несколько человек с наганами в руках бежали к лазарету, было здорово темно, но все-таки мы быстро ориентировались и притаились у окон и дверей барака, в котором Вел. видел провока-

тора, и было решено во что бы то ни стало его пристрелить, но уже подходя к бараку, мы услышали в нем два выстрела. Несколько человек (3) бросилось в барак, 1/2 годовые поиски ничего положительного не дали, и стоящие снаружи с напряженным вниманием юнкера не могли пропустить кого-либо незамечено около себя. Злость и досада наши были так велики, что прямо хотели чуть ли не идти сами к Бруссо и требовать выдачи провокатора, громко возмущались и протестовали, что и здесь нам нет покоя от большевиков – в крайнем случае разогнали бы и всех чернокожих, и самого Бруссо загнали бы в море, но до провокатора бы достали. Случайность или преднамеренность? Но говорят, что в ночь на сегодня Бруссо провел на миноносце.

31.1. Самое больное место здесь у нас, это правильно и точно раздать продукты, никого не обидев ни на кроху. Сегодня, как раз во время раздачи продуктов, Юдину [8] показался раздатчик не совсем точным, и Юдин назвал его мошенником – скандал, дошедший чуть ли не до драки. В конце концов ссорившиеся в сопровождении двух человек куда-то подозрительно скрылись. Как потом выяснилось – была дуэль на берегу моря, но стараниями секундантов стреляли в воздух. Потом примирение.

Февраль, 1921 год.

Выдали лиры. Одна лира разменивается здесь в 8-40 драхм. Нашим хорунжим по 7 лир, нам по 2. Выдали после приезда генерала Науменко, войскового атамана [9]. Наша сотня ходила в деревню, в первый раз за время пребывания на Лемносе. Когда шли обратно то комсот, перепрыгивая через канаву, свихнул себе ногу, его взяли на руки, как на грех ехал из Мудроса на автомобиле ген. Фостиков, проезжая мимо нас и видя несущего на руках комсота подумал, что Деревлёв, вероятно, настолько пьян, что сам не в состоянии идти – и результатом этого на следующий день приказ: «откомандировать немедленно от училища в распоряжение начальника штаба корпуса 1-й дивизии полк. Деревлёва за безобразную прогулку в деревню». Наши г.г. офицеры (Николаевцы) пошли сами к Фостикову, разъяснили ему в чем дело и просили об отмене распоряжения – пока не известно, чем дело кончится. Вчера 18.2 приехал ген. Врангель (это уже второй раз) обращаясь к войскам – уделил много внимания Керенскому и др. политическим деятелям, назвал их предателями, призы-

вал всех держаться сплоченной и не верить разным небылицам. Приходил в наш лагерь, попал в палатку артиллеристов, расспрашивал как живем, достаточно ли белья, и очень был удивлен, когда узнал, что белья не давали – может быть спросил бы еще о многом другом, но наш инспектор классов ген. Болховитинов [10] и ком. корпуса ген. Фостиков, нашли

Науменко и Фостиков

Фото начальника училища генерал-майора Лебедева

темы для разговоров с главнокомандующим более интересные, чем может быть неудачные ответы юнкеров, и отвлекли его от расспросов. Между прочим, ген. Врангель сказал, что хлопочет о том, чтобы все училища были перевезены в Сербию — это в будущем, а в настоящем — чтобы юнкерам выдавали жалование по 2 лиры, спрашивал, почему такая несурязица, что юнкера живут по 9 человек в маленькой палатке, а офицеры только 2 на палатку и приказал попросторней распределить юнкеров (но это так и осталось только приказанием). Вчера — понедельник 21. II. — принял училище ген. Лебедев [11], старый же начуч ген. Болтунов, как он сам говорил, волей французов и волей обожаемого главнокомандующего смещен с этой должности. По вступлении в должность начуча ген. Лебедев в первую же очередь подал рапорт ком. корпуса об освобождении арестованных юнкеров (пластунов), а вчера как раз И. Кулеш [12] получил от юнкера С. Ткачева [13], его станичника, письмо, из которого мы все узнали, что арестованные юнкера находятся на пароходе «Рион» (после разных кошмаров), вместе с конвоем главнокомандующего. Начальник конвоя полковник, очень хорошо относится к ним и даже хлопочет об их освобождении, но из письма видно, что им живется хорошо, и у них нет желания возвращаться обратно в училище. Часто думаю и разговариваю со своим братом о доме и родных — как-то им живется? Болтунов, уходя из училища, чуть ли не всех офицеров и чиновников училища представил к производству в следующий чин. Интересно, как живут Евдокимовы — Верунька? Они, вероятно, сейчас в Сербии. Хотя бы и нас туда вскоре перевезли.

28 февраля я, наконец, добился того, что вахмистр пошел и просил о том, что я не хочу оставаться артельщиком сотни, и в этот же день были сделаны выборы, результатом чего было, что я сдал свою должность Жоржу Г. В этот день я еще раз получил на сотню хлеб и сахар, и на следующий же день попал в наряд дневальным по сотне (артельщики обыкновенно освобождены от нарядов). И так прошло шесть полных месяцев моей службы на должности артельщика сотни, вспоминается — приехали из неудачного десанта — начались в сотне недовольства Кулешом, и после долгих разговоров сотня настояла на том, чтобы был избран новый артельщик. 29 августа 1920 были по распоряжению комсота созданы выборы и наибольшими голосами сотни

был избран я, а с 1 сентября вступил в исполнение своей должности, началась для меня новая жизнь – мало было получить продукты на сотню, главное было – самым точным образом разделить их между людьми сотни. 29 сентября нас посылают (целое училище) в Судак, против зеленых, и мне в первый раз в жизни было вручено хозяйство сотни, нужно было самому закупать продукты – так, чтобы они были вкусны и дешевы, и чтобы их было вдоволь; страшно трудно сначала было, но потом понемногу втянулся, целыми днями с утра до вечера, бывало, бегаешь по базару, по огородам – вдобавок ко всему почему то пересылка денег из Феодосии была затруднена, и хотя наши деньги стоили мало, но когда их нет, приходится находить всевозможные увертки-обещания, заплатить попозже и затрачивать вдвое больше энергии – но только чтобы люди были сыты и на самом деле никто не мог пожаловаться на неудовлетворительное питание. И это уже было для меня до определенной меры удовлетворением. Кроме того, на дачах меня уже хорошо знали, и всегда хорошо приветствовали – великолепными винами и разными закусками. Вспоминаю м-лле Мурзаеву, м-лле Скорник (м-лле

Рубка шашкой дров

Мурзаева была местной интеллигенцией – уполномочена передавать нам деньги и продукты, собираемые среди населения специально для нас (юнкеров) и как сейчас вижу, м-лле Скорник на вид строгая дама лет 35, но очень отзывчивая к чужим нуждам, и очень добрая – однажды, не имея денег для покупок я занял у нее пуда три картофеля, а потом в тот день, когда нам надо было уезжать из Судака, я уже располагал деньгами и пришел к ней, чтобы заплатить свой долг – деньги она категорически отказалась принять, наоборот спросила, что еще будет нужно – она может дать, была очень удивлена, когда узнала, что так внезапно уходим из Судака – предполагала, что нас отзывают на «Перекоп», потом наполнила все мои карманы яблоками и орехами и при прощании благословила меня матерински и не думала, конечно, бедная, что через три дня в Судак вместо нас придут большевики. Накануне предполагаемого с нашей стороны веселого, в обществе Судачан времени препровождения, вдруг из Феодосии приехали конные юнкера и передали как устное так и в письменной форме приказание начальника училища, немедленно прибыть как можно скорее всем юнкерам, офицерам и их женам в Феодосию, а командир нашей сотни полковник Деревлёв, бывший в то время в Феодосии, добавил: «Приказание: доставить в Судак во что бы то ни стало, и если со стороны конных посылаемых будут раненные по каким-либо причинам, то их бросать. Это последнее обстоятельство и заставило нас предполагать, что причиной к такому категоричному приказанию должно предшествовать обстоятельство чрезвычайной важности, но и в голову никому не приходило, чтобы могло случиться то, что случилось – перешеек прорван! Не знали причины отъезда, но уезжать страшно не хотелось и были рады, что подводы, собираемые для нашего путешествия, были собираемы с промедлением. Потом сердечные прощания с приветливыми и милыми жителями Судака. Потом, по дороге мы встретили вольноопределяющегося-корниловца, который нам первый и сообщил страшную новость – «фронт прорван!» В глазах этого человека был ужас, говорил несвязно – шел в Ялту на погрузку со своей частью – страшное известие с быстротой электрической искры облетело всех, хотя юнкера по дороге и растянулись, вероятно, на целую версту – все уже думали, что мы опоздали, что не успели дойти вовремя до Феодосии, что

Главнокомандующий Русской армией генерал Врангель

она раньше нашего прихода будет уже занята большевиками. И полк. Головинский [14], будучи старшим начальником, приложил все усилия к тому, чтобы только быстрее добраться до Феодосии – поэтому началась разгрузка обоза: бросили кухню, бросали мешки с пшеном и т.д. Приехали к Феодосии с тревогой, поздно ночью – успели! – наступающее утро – раздача фуфаек, белья, разной материи, всевозможных припасов – спешное шествие к пристани и немедленная погрузка на пароход. У всех была одна только мысль – сесть на пароход – куда идем? далеко ли? Не все ли равно – главное, кошмар останется позади... А Судак оставил каждому из нас, что-то тепленькое, светленькое, среди окружающей суматохи – прямо до души говорящее, чисто русское, милое, слезы вызывающее воспоминание... Но жизнь идет своим чередом – хотя я и был на должности артельщика 1/2 года, никто не препятствовал, а наоборот, почти все хотели, чтобы я остался артельщиком и дальше. Как только я сдал свою должность, на этот же день был уже назначен дневальным по сотне. Совпало как раз, что в этот же день была годовщина Куб. боев – надлежащим образом прославляемая командиром корпуса. С соблюдением соответствующих церемоний были розданы дополнительные Георгиевские кресты, потом парад и фотографирование американцем, вызывающее у всех может быть даже и небезосновательное предположение, что эти фотографии непременно попадут в Совдепию. Я остаюсь по сдаче должности артельщика жить все в той же палатке с вахмистром, но теперь придется исправно ходить на зарю и втянуться в обыденную жизнь юнкера. Ген. Врангель, после своего посещения Кубанского корпуса, написал длинный приказ, в котором подробно излагал тяжелые условия жизни казаков, ставил в вину офицерам недостаточное внимание к нуждам казаков, хотя бы в моральном отношении; сравнивал с армейским корпусом, где настроение солдат бодрое и общий вид лучше, чем у Кубанцев – и все оттого, что офицеры не на высоте своего положения, и категорически приказывает офицерам к следующему своему посещению лагеря поправить все свои недостатки. Дальше обещал хлопотать у французов об увеличении хлебного пайка. И по возможности одеть армию хотя бы тем, что ими вывезено из Крыма. 4 марта памятный день. Ведь год назад точно, был нами оставлен Екатеринодар. Уже, ве-

Кубанцы встречают своего Главнокомандующего

роятно, за месяц до оставления чувствовали, что должно это случиться. В последние недели были в училище образованы пулеметные команды и выделены в особые классы. У нас были Безбородов [15], Иконников [16], Хмарин [17] и др. – компания теплая, имели полный мешок консервов, достаток хлеба, и часто собираясь проводили весело время. Так как училище находилось в прежнем, Епархиальном училище, то немногих епархиалок перевели в меньшее здание, и мы с ними могли иногда встречаться на дворе. Шурочка Р...с, с которой я познакомился за два дня перед отъездом из Екатеринодара, плакала, прощаясь со мной. В последний день, за «донские колокольчики» – на базаре загонялись вещи, которые все равно бросили бы. Хотя и беспокойное, но славное было время, главное есть было вдоволь, а сейчас?

7.III. Все говорят о гипнотизере, который предсказал, что якобы в конце апреля – русская армия, сейчас находящаяся в изгнании – при поддержке французских войск грузится на пароходы и идет в десант в Туапсе – училище пока что едет в Сербию. Врет – мошенник! Я думаю как

следует заняться гимнастикой, сегодня я второй раз (после артелки) в наряде, на этот раз у винтовок, это одна из легких служб – сейчас 12 часов ночи, мне еще быть здесь до 3 часов, и я смогу беспрепятственно писать свой дневник. Вчера по распоряжению начальника училища поставили большие палатки, и в ближайшие дни будет уже распоряжение перейти из маленьких палаток во вновь поставленные – и наша старая компания должна будет рассыпаться; жаль: мы так сжились друг с другом. Дело в том, что наша сотня будет теперь расположена в двух больших палатках, старший курс и средний, и в двух маленьких младший курс, и мы, сожителы, вернее я, от них должен буду отделиться. Сегодня я в первый раз (здесь на Лемносе) ездил на лошади. Наш начуч. выхлопотал у Бруссо для занятий в нашей сотне 4-х лошадей, одна предназначена для вольтижировки, а остальные три для верховой езды. Все-таки конная сотня, хотя этим малым, но все же отличается от остальных сотен. Порядок дня с сегодня немного изменился: подъем в 7 утра, потом «туалет, чай и гимнастика»; 4 часа занятий

Юнкера Алексеевского училища

Кухня. Каждому казаку полагалось по 500 граммов хлеба, немного картофеля и консервов

до обеда и 2 часа после обеда; у нас сейчас пойдут съемки, которые и дают возможность немного забыться от скуки и тоски. Получено извещение, что завтра приедет сюда ген. Шарпи, командир оккупационного корпуса из Константинополя – училище (пятая сотня) выставляет почетный караул – посмотрим, с чем приедет. Поговаривают, что скоро дадут драхмы – хорошо было бы, если бы разрешили прогулку в деревню – загнал бы все выданное Макнебом (американец) барахло и имел бы хотя немного драхм, а то вдруг поход – это значит все лишнее бросай, а то хоть будут драхмы – это уже значит, что будет, что поесть. Вчера дали добавку хлеба (1/4 порции) и на 100 гр. консервов больше. Говорят, что такие добавки будут 2 раза в неделю. Наш новый начальник училища всячески старается улучшить наше положение. В скором времени по его ходатайству нам всем выдадут брюки и рубахи, уже шьются красные бескозырки, что, конечно же, сразу выделит наше училище. Вот какой рацион нам нужно знать на тот случай, если приедет главнокомандующий и будет спрашивать, чем нас кормят:

Лагерь на Лемносе

Французский рацион: хлеб – 500 грамм, мясо – 150 гр., мука – 150гр. (давно уже не дают), сахару – 30гр., чай – 4, жиры – 20, соль – 20, сух. овощи – 100, бульон – 25, картофель – 700, рис – 200, мыло – 9, дров – 2300 (больше всего).

9. III. Страшные сны снятся на новых местах: вот уже вторую ночь приходится бежать от большевиков. Сегодня пришлось отступление из Екатеринодара, и вместе со мной была и Аничка (сестра), но я ее как будто бы где-то потерял, каково-то ей теперь, бедняжке? Сегодня в 3 часа дня расписывались, а в 6 часов вечера получили – каждый юнкер младшего курса, по одной турецкой лире – теперь драхмы пали в цене, и поэтому говорят лира теперь стоит только 10 драхм, а в г.г. Мудросе или Кастро может быть 13-14. Я пользуюсь случаем и даю пол лиры вместе с Васей Титовым [18], Дмитренки [19], который по футбольным делам будет в Кастро – купить инжиру, какао, сахару и перочинный нож. Сегодня в часа 4 дня приехал генерал Шарпи – пешая сотня вместе с вахмистрами всех сотен были отправлены как почетный караул к пристани. Завтра, говорят, будет принимать парад

училища. Сегодня против обыкновения дали 2 кружки сахара на 5 человек.

10.III. Сегодня комсот приказал мне явиться к полк. Головинскому, как библиотекарскому помощнику от нашей сотни – Головинский подробно меня расспрашивал, что я окончил (какое сред.-учебное заведение) люблю ли читать, что? и т.д., и, по-видимому, оставшись довольным мной – приказал завтра явиться адъютанту училища, который мне уже непосредственно даст соответствующие инструкции.

11.III. Часов в 12 дня все были вдруг вызваны на линию – оказывается, ген. Шарпи удостоил нас своим вниманием, и решил навестить нас – поздоровавшись, он обошел весь строй, осмотрел с головы до ног каждого юнкера и, по видимому, довольный осмотром, что-то говорил начучу, который сейчас же нам сказал, что генерал рад видеть такой бодрый и молодецкватый вид остатков Русской армии; потом ген. Шарпи обошел несколько палаток, а уезжая, обещал поставить училище в еще более лучшие условия.

13.III. Я разменял лиру (8 драхм!), купил халвы и пол хлеба (1.40др.) и 3 драхмы дал Виктору. Поговаривают о том, что в скором времени дадут нам по 5 лир, а офицерам по 10 – было бы здорово! Был у полковника Милашевича – адъютанта [20], он сказал, что я и еще один юнкер нашей сотни – будут заведовать читальней при училище, в которой будут газеты – и на нас возлагается обязанность – ввиду малого количества газет, попадаемого в наше училище, стараться сделать газету доступной для прочтения всех желающих. С завтрашнего дня вступаем в исполнение своих обязанностей. *Бюллетень*: В Кронштадте образовалось новое правительство, которое предлагает рабочим и красным войскам Петрограда идти против большевиков: программа – временное правительство, далее – учредительное собрание, далее сообщение: Германия наотрез отказывается уплатить союзникам 226 миллиардов рублей и не хочет разоружаться. Немецкий посланник покинул Лондон.

14.III. Мой брат [21] потерял свои драхмы и это 30 лир. И это целая трагедия. Бедняжка, и я ему не могу к тому же помочь, потому как все истратил.

18.III. Как заведующий читальней я освобожден от несения нарядов. В газетах от 3.III. «Общее дело» и от 10.III. «*Presse du Soir*» из ряда вон выходящее сообщение: в Петро-

Кубанские казаки на Лемносе. Март 1921 года

граде и Кронштадте восстания рабочих и матросов – советская власть в этих городах свергнута – лозунг восставших «Учредительное собрание» – и это сообщение, всех так сильно взбодрившее, стало единственной темой для разговора. Здесь уже с месяц дует страшный ветер. Нашу палатку страшно растрепало – обещают поставить новую – как только немного утихнет ветер. Пользуясь массой свободного времени, я перочинным ножом и довольно-таки удачно сделал из дерева шахматы, игроков много, и скука понемногу за игрой затихает. Полковник Любарский [22] – наш преподаватель по топографии говорит, что если будет наступление на Сов. Россию, то вероятней всего с запада. Русская Армия, конечно, будет переорганизована и будет принимать одно из главных участия в наступлении.

Апрель месяц. Результатом осмотра генералом Шарпи русских войск было распоряжение французского командования считать всех русских военных и не военных беженцами, и поэтому каждому из русских предоставляется теперь же выбрать одно из трех следующих положений: ехать в Советскую Россию, ехать в Бразилию или же остаться здесь, и

На Лемносе с наступлением весны

так как французы уже отказываются нас питать дальше, то третье положение гласит – «кормиться на свои средства». Было подчеркнуто (во французском распоряжении), что всякое посягательство со стороны начальствующих лиц на добрую волю своих подчиненных, в смысле выбора одного из трех указанных положений, будет строго преследоваться французским командованием, а в тот же день генерал Науменко произвёл парад войскам корпуса. А на следующий день французы ходили и спрашивали – кто куда хочет ехать; французских офицеров, самовольно без русского командования производящих опрос – принимали в частях совсем неприветливо. Большинство остается существовать на свои средства. От нашего командования появилось сообщение: в случае отказа французов кормить нас – акцией поддержания питания русских войск займется американский Красный крест. Генерал Науменко и генерал Фостиков уехали к генералу Врангелю выяснить общее положение; опять разговоры, что в ближайшее время училище перевезут в Сербию. «Доном» приехал к нам из Константинополя генерал Арта-

Пасха

фенков [23] и сообщил, что следующим пароходом приедет полк. Лебединский [24] и привезет драхмы, на простого казака 50 др. и офицера 100 др. «Дон» и «Рашид Паша» – повезли казаков, записавшихся в Советскую Россию. Кормить стали очень плохо, благодаря тому, что прекратили выдачу картофеля. Чтобы немного забыться от неприятных сюрпризов жизни завтра, в воскресенье, у нас в училище будет устроен вечер юнкера. Ходили к американцу просить помочь – в устройении ужина, главным образом, конечно, продуктами. Макнеб пообещал. К палаткам будут делать нары, так как до сих пор спали на земле. Опять во сне видел дом.

30. V. Водили в баню. В конце месяца водили в баню и сегодня, в результате многообещающих разговоров дали офицерам по 2 лиры. Нижним чинам по одной. Настроение очень неважное. На сбережения от загнанных вещей и выдаваемых лир публика приделась – появились синие бриджи, сапоги, бескозырки; получен приказ ген. Фостикова, что на будущей неделе Кубанский корпус грузится на пароходы и едет через Грецию (Салоники) в Сербию, но это, вероятно, очередное поднятие духа.

26.VI. Сегодня в карауле – караульный начальник – имею немного времени и смогу написать, что раньше случилось, и тем заполню пробелы дневника. Недавно у нас в училище закончились все репетиции – довольно-таки удачно к полному удовлетворению и инструктора классов и наших преподавателей, и теперь до отхода в Сербию отдыхать. Генерал Болховитинов, наш инспектор классов, частыми простыми беседами с нами завоевал нашу симпатию к нему. В одном из последних собеседований он приказал нам написать анкеты с вопросами и волнующими желаниями – вопросы и наши желания он потом обобщит и постарается дать в устной форме исчерпывающие ответы – и это будет, вероятно, уже завтра. Говорят, что большее через 2 недели поедем в Сербию. Донцы из Мудросского лагеря перешли к нам, на место уехавших в Сербию казаков. Ген. Болховитинов прочел письмо одного из своих знакомых – приплывшего в Сербию – пишет, что казаков сербы приняли очень хорошо, а главное – каждый получает в день 2,5 фунта хлеба; большинство казаков сейчас же поступили в строевые части Сербской армии и только небольшая часть пошли в рабочие отряды. Вообще же казаки, как видно, произвели на сербов хорошее впечатление. Мой младший брат сейчас со мной в одной сотне, по приезде в Сербию буду хлопотать о принятии его во Владикавказский корпус.

26 августа. Среди французских офицеров есть у нас и приятели, так например лейтенант Люлье, он учился в России и хорошо говорит по-русски, и однажды в тесном кружке своих приятелей русских, будучи в греческом селении, за бокалом вина сказал, что русские своим характером ему нравятся больше, чем его соотечественники, которые очень много врут, и вышло так, что на следующий день приехал на Лемнос товарищ Серебровский, с тем, чтобы здесь набербовать рабочих к добычанию нефти в Баку, и нагло расклеил соответствующее воззвание по всему расположению русского лагеря, а французы еще от себя добавили здесь же, что в России возвращенцев принимают хорошо и жизнь уже вошла в нормальную колею – в ответ на это появились объявления нашего штаба корпуса, что французы врут, желают избавиться от покровительства нам, и выдумывают разные небылицы. Французской службы кап. Перье, вероятно имея распоряжение свыше, ездил на автомобиле по расположению

лагеря – перечеркивал объявления штаба корпуса и на нем большими буквами писал «ложь». Poleмика была острая и неприятная – в тот момент, когда Перье, подъехав к одному из объявлений штаба корпуса – сорвал его, в это время проходил мимо возвращавшийся из купания наш командир. Подойдя к Перье, он в резкой форме сказал ему, что как нам досадно, что французское командование состоит на службе у советского правительства, и теперь распыляет остатки той армии, которая в мировой войне была её верной союзницей. Капитана Перье резкий тон и салонное заявление оскорбило, и он приказал чернокожим арестовать Полянского. Весть об аресте через несколько минут долетела до училища, все были задеты за живое, чаша терпения переполнилась как у юнкеров, так и у наших руководителей, и конная сотня по единому слову начуча Лебедева была выстроена моментально в полной боевой форме, и через минуту в полном строевом порядке двигалась на выручку Полянского, и наше желание отстоять его во что бы то ни стало усугублялось еще тем, что предполагали посадку на пароход к Серебровскому. Во время движения сотни к французскому штабу навстречу нам шел автомобиль, который был немедленно остановлен нашим начальником училища, в нем находился как раз сам Перье – выйдя из автомобиля и узнав в чем дело, он старался нас успокоить и заверил своим словом, что Полянского к Серебрякову на пароход не посадят, а по произведенном дознании Полянского освободит из под ареста. Начальник училища и мы, успокоенные заявлением Перье – в полном порядке возвращались обратно в расположение училища, немедленно выслав 2-х человек к пристани, на обязанности которых было немедленно сообщить в училище – в случае если бы Полянского вели к посадке на пароход (советский). На следующий день в приказе по корпусу был сделан командиром корпуса нашему нач. училища выговор за недобдуманную опрометчивость после отъезда Серебровского. Полянского отправили в Константинополь, а Перье в свое оправдание пытался оговориться тем, что не желая в глазах распущенных чернокожих потерять свой авторитет, вынужден был отправить Полянского в Константинополь. Тем не менее, этот инцидент послужил к ухудшению отношения французов к нам. Так, было отдано распоряжение о снятии юнкерских караулов из деревень – под предлогом того, что

у греков свирепствует оспа, а караул в деревню был для нас приятным отдыхом и забвением от неприятной окружающей обстановки. Караул в деревни от нашего училища начал наряжаться после окончания и сдачи всех репетиций, до этого же времени выставлялся караул от Гвардейского дивизиона. Состав караула – 30 человек (взвод) с офицером размещались по 5 чел. В деревне обязанности: следить за порядком со стороны русских, останавливать безобразия, и не имеющих пропусков направлять в штаб корпуса. Жили в карауле в полное свое удовольствие – греки отводили караулу отдельное помещение, а для улучшения своего питания юнкера складывались драхмы по 2, выбирали из своей среды повара и на время службы (смена приходила через 3 дня) и в смысле питания, и в смысле жизни – забывались и от занятий, и от сигналов, и от скуки и тоски. Часто и греки уже нас приветствовали то мастикой, вином, коньяком, то зеленью – кабачками, арбузами и т.п. В июле месяце здесь у греков жаркая рабочая пора. Многие казаки за 4 драхмы и еду в день нанимались к грекам убирать хлеб. Сильная нужда и, главным образом, голод заставляют за почти даром идти работать у греков, да и может ли одна лира, выдаваемая в месяц, удовлетворить хотя бы самые скромные желания один раз в месяц хорошо напиться, а кто курит, тому приходится особенно тяжело, да и кто не курит, тот хочет прикупить и хлеба и сахара и полакомиться немного инжиром, халвой, и поэтому все лишние, и не лишние вещи почти за бесценно оказались у греков, правда загонка вещей преследовалась как начальством нашим, так и французами. И время от времени командиры сотен производили проверки наличности выдаваемого обмундирования – хорошо, что проверка в разных сотнях была в разное время (дни), и поэтому вещи на время проверки занимались в другой сотне, у которой проверка уже была. Но потом наше начальство само не выдержало – офицерские вещи так же как и наши за бесценно тоже очутились у греков. Сначала деньги тратились очень безалаберно – инжир, халва, консервированное молоко, и только в июне-июле публика опомнилась и начали на свои сбережения и выручку от продаж шить сапоги и синие бриджи, а сейчас уже каждый думает о 30-и драхмах на синие бриджи и 60 драхмах на сапоги. И дело дошло даже до того, что стали загонять грекам, падким на оружие, старые, бракован-

ные, ржавые винтовки – валялись в училищном складе, как уже ненужный хлам, но об этом узнало начальство и в корне прекратило это зло. Нашим благодетелем на Лемносе был американский представитель от Красного креста капитан Макнеб, он сделал очень многое для того, чтобы облегчить участь русских войск на Лемносе. Его функцией было помогать русским беженцам – деньгами и бельем, и т. к. армии, как таковой, помогать деньгами он не мог, то снабжал нас всякого рода одеждой – фланелевыми рубашками, кальсонами, трико, полотенцами – это все такие вещи, которые можно более или менее хорошо продать – так, за пижаму дают 20-25 драхм, смена фланелевого белья – 150, носки – 30. В последнее время выдал по эмалированной тарелке; каждый месяц дает по 5 пачек папирос, а кроме того улучшил наше питание добавочной мукой, сахаром и различными сухими овощами, но вот уже недели три он почему то ничего не дал;

25. VIII. начальник училища преподнес ему от имени училища картину в красках, на которой изображен довольно удачно Макнеб, стоящий на скале и вытаскивающий из

*1-я группа гимнастов Кубанского генерала Алексева
военного училища*

Футбол. Играют юнкера Атаманского и Алексеевского училищ

бездны женщину (символ России) с крестом, и закутанную в национальную русскую ленту. Макнеб вчера снимал наших гимнастов, футболистов. 1 августа Донцы-атаманцы праздновали годовщину Каховских боев на Крымском фронте – праздник у них продолжался три дня. Первый день у них был парад, на котором как раз, как гостю пришлось присутствовать и мне. Наш начальник училища приказал нарядить от училища 30 юнкеров, хорошо одетых, в сапогах и бриджах. Атаманцы разукрасили свой лагерь донскими флагами, среди которых русские национальные цвета совершенно терялись. Идя на молебен к ним, мы думали, что после богослужения нас ждет у атаманцев обильный и сытный обед. После моления начались церемонии поздравления; поздравлял их и наш начальник училища, и генерал Абрамов [25], начальник Донского корпуса, и их начальник училища генерал Максимов [26]. Прочёл приветственную телеграмму от генерала Врангеля, потом кричали громкое: «Ура!» Главнокомандующему и дальше были добавочные награждения Георгиевскими крестами и затем парад. После парада наш начальник училища, не желая напрашиваться на

приглашение к столу – подождав немного, увел нас не солоно хлебавши. На этот же день атаманцы устроили вечер, на котором тоже хорошо показали себя – устроив платный буфет. На следующий день был у них гимнастический праздник, который нужно сказать прошел очень не дурно, но впоследствии выяснилось, что среди юнкеров были и трубачи, и офицеры, и наконец, на третий день – донская театральная группа устроила для них спектакль. 1-го августа и в нашем училище тоже должно было быть также празднование годовщины нашего десанта на Кубань – но так как здесь соревновались 2 училища в своих достижениях в изгнании, и чтобы дать возможность посторонней публике высказать своё правдивое мнение, на чьей стороне перевес в этих достижениях – наш начальник училища распорядился устроить празднество 9-го августа, и это число как раз совпадает с началом первых сильных боев. Приготовления шли дней 5-6, и у каждого было сильное желание забить атаманцев и парадом (т.к. парад прошел у них не совсем важно), и поддеть их платным буфетом. Накануне, 9 августа, была устроена в нашем училище торжественная зоря, длившаяся часа 1 ½.

Чины Атаманского полка

На эту церемонию были приглашены атаманцы (их пришло человек 30 со всеми портупей-юнкерами), присутствовали посторонние офицеры, дамы и генерал Абрамов. Сначала была отслужена панихида по убитым в боях, а потом и заря – перед зарей перекличка, на которой выкликали сначала убитых и умерших от ран в десанте, и как звучно и отчетливо раздавалось «убит под станицей Тимашевской» или «умер от ран», полученных под станицей Гривенской и т.д. Вечером, после поверки, было устроено торжественное заседание, посвященное исключительно десанту – адъютант училища полковник Милашевич ярко нарисовал картину хода военных действий, потом читались стихотворения, посвященные убитым, и наконец училищным хором были исполнены соответствующие песни. Торжественное заседание закончилось живой картиной, представляющей часового, бдительно охраняющего свой пост. На следующий день был объявлен парад училища, пришел генерал Абрамов, пришли атаманцы, была масса посторонних. Смотрящие со стороны юнкера говорили потом нам, что ни разу мы так хорошо не ходили, как в этот раз. Дважды благодарил нас генерал

Парад на Лемносе

Театр. Лемнос

Абрамов. После парада обед, но опять таки в укор атаманцам по отношению к нам, мы их моментально разобрали по сотням и повели их в свои палатки, наши же господа офицеры устроили для своих гостей обильный завтрак с вином и водкой, для наших же гостей было немного вина.

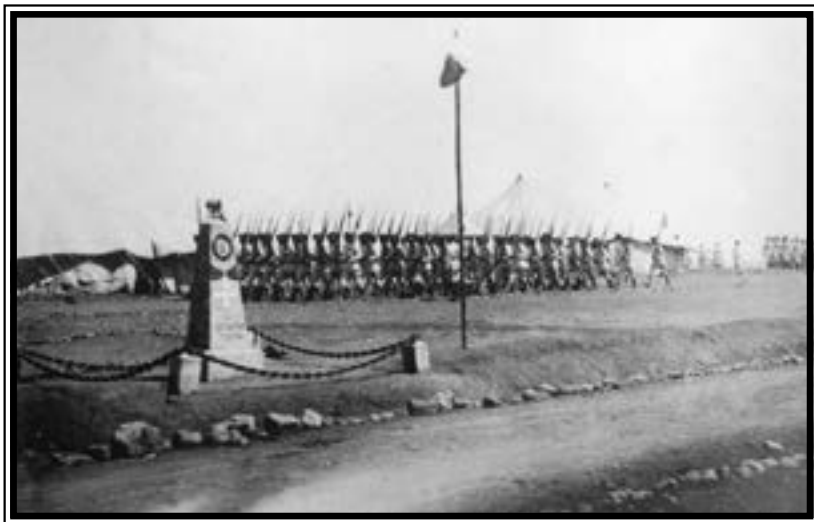
Атаманцев рассадили между собой, обед состоял из трех блюд – суп с лапшой и мясом, потом котлеты с картофельным гарниром, и на третье сладкая рисовая каша – порции не были большими, да и вина было только по 1/4 бутылки на человека, но мы его пили совсем мало, больше заботясь о своих гостях. Под конец обеда обходили нас оба начальника училища, наш и атаманский, поздравляли нас с праздником, и с веселыми от вина глазами атаманский начальник училища говорил о родстве Донцов и Кубанцев: мы братья, и то, что мы пришли к вам, вы не считайте нас гостями, так же как и мы вас будем принимать за своих братьев! Подымались кружки – говорились тосты – кричали «ура!» и музыканты играли туш, и так было в каждой палатке. По окончании обеда атаманцы ушли к себе, получив от нас приглашение присутствовать на нашем вечере в этот же день. Тру-

бачи также не были забыты, и они были хорошо угощены обедом и водкой. Этот вечер в нашем училище на Лемносе был уже вторым, и прошел несравненно лучше и интересней первого. Теперь в нашем полном распоряжении было два деревянных барака, оставленных лазаретом, уехавшим недавно в Болгарию, в них-то теперь и был устроен вечер. Перед бараками была расчищена площадка, на которой были устроены киоски. Один из них назывался «Фруктови лавка бедни Ладос», в которой сидел Мурашко [27]. Мурашко с сильным акцентом Тифлисского кинто, Степанов своим выражением лица сильно походил на перса. Этот киоск был самым интересным и заманчивым – в нём висел виноград, были дыни, арбузы, помидоры и прочая вкусная зелень, а кроме того, Мурашко своим акцентом привлекал внимание публики и смешил её. Второй киоск «Elixir de vie» – это был специально винный киоск, трудно сказать, где было больше народу – около первого киоска или же здесь – любителей выпить. В киоске было вино, водка и различные закуски – помидоры, сардинки, бутерброды, редиска и т.д. В третьем киоске «Чайное заведение» – был сладкий чай с бутербродами. Каждый киоск был освещён фонарем, а площадки около них, уставленные столами, были также освещены. 1-й барак, украшенный богато зеленью, был специально предназначен для танцев – у задней его стенки стоял большой будильник, сделанный из двух колес. Стрелка будильника, переводясь дирижером, указывала публике, какой танец стоял на очереди. Музыканты, подбодренные хорошим обедом, лихо наигрывали танцы. В одном из уголков помещалось «почтовое отделение летучей почты». 2-й барак (гимнастический зал) был убран уютнее первого и изображал гостиную, убранную мягкой мебелью и коврами. В одном из уголков помещался киоск с кофеем и печеньем, а в задней стенке была сцена, на которой время от времени выступали шутники, достаточно было и дам, так что танцевальный зал был полон танцующими. Вечер был устроен так мило, что если бы эта ночь длилась в три раза больше обыкновенной, то публика осталась бы до конца. Но в 4 часа ночи уставшие музыканты (приветствуемые хорошим ужином), должны были идти спать. Приглашенные все без исключения были очень довольные и говорили, что уже давно отвыкли от таких милых вечеров. Буфеты, конечно (в укор атаманцам),

были бесплатные и некоторые из гостей, по-видимому, перед этим бывшие на вечере у атаманцев, боязливо спрашивали – «сколько прикажете?», и были приятно удивлены, когда их хорошо угостили и ничего не взяли. Правда, на те драхмы, которые были отпущены на вечер – как следует нельзя было развернуться, то соответственно, что буфет существовал недолго, часа 2-3, и все-таки публика осталась очень до-

Офицер у плаката с портретом Врангеля

*Памятник в расположении Кубанского
Алексеевского военного училища*

вольной (ген. Лебедев говорил, что хлопочет у ген. Науменко, чтобы училище имело своих трубачей). На следующий день труппа артистов сыграла для нашего училища очень интересную вещичку – «теплая компания» – этим и закончились наши торжества, и если скоро не уедем, то вероятно, через неделю у нас будет гимнастический праздник – перед нашим празднеством, собственно, специально к панихиде был выставлен перед лагерем самими юнкерами памятник, вернее обелиск, в память пребывания училища (Кубанского Алексеевского) на о. Лемнос; сам по себе небольшой, вышиной – сажень с лишним, заканчивается двуглавым орлом – на передней стороне вделан терновый венок, в середине которого помещена буква ЕІ, а внизу надпись – «за честь и славу Родины», ниже этого изображен большой Георгиевский крест с лентой на задней стороне, вверху терновый венок, в середине – 1920-1921 (9.VIII.) и внизу печатными буквами написано – «в память пребывания Куб. ген. М. В. Алексева военного училища на о. Лемнос». Обелиск обнесен цепью, окрашенной в серую краску.

25.VIII. Сегодня распространилась упорная весть, что мы скоро уезжаем. Завтра в субботу приходит транспорт и забирает уже почти последние войсковые части – наше же учи-

лище поедет в последнюю очередь – приблизительно через неделю. В этом, говорят – хитрость нашего нач. училища, который думает, что нам, как в последнюю очередь отъезжающим, кап. Макнеб отдаст все избытки и остатки всех складов обмундирования. Драгм пока не давали, чувствуется голодовка, и публика бежит по ночам на греческие виноградники – в последнее время говорят, происходят по ночам даже перестрелки греков с нежелательными посетителями и говорят, что два казака были убиты греками на виноградниках. Сейчас у всех только одна мечта – возможно скорее погрузится на пароход, и выбраться из этого проклятого острова-голода. А как часто по вечерам люди сидят у своих палаток, впевив свои взоры в морскую даль, и какая радость и надежда, если где-то там далеко-далеко появиться огонек, сразу догадки, разговоры и нетерпеливое ожидание утра, которое принесет или радость, что это транспорт, на который должны мы грузиться, или же горькое разочарование. Так вот и сейчас, пришел какой-то огромный пароход, но остановился на рейде у Мудроса. Вчера состоялась отправка мулов Французским командованием. В Константинополь французы хотели набрать юнкеров сопровождать животных, но начальник училища не разрешил, он видел в этом выходку Чикова (совдепский агент), который якобы поклялся распылить наше училище.

27 августа. Ночью на сегодня пришел транспорт «410» – сегодня утром грузились два полка донцов, а нам в 12 часов дня был сыгран «Генерал Марш». Хотя мы с минуты на минуту и ожидали этот сигнал, все-таки поднялась огромная суматоха, то что надлежало к сдаче во французское интендантство – уже было сдано – вещи почти все упакованы, остались мелочи – радость была велика, с нетерпением ждали распоряжения нач. училища – и были немного разочарованы, когда узнали, что пароход «412», предназначенный к нашей перевозке, еще собственно и не вышел из Константинополя, и придет сюда только завтра.

28.VIII. Окончательная упаковка оставшихся вещей – все взоры непрерывно были устремлены в морскую даль, нетерпеливое ожидание парохода. Поздно вечером не устанные глаза заметили огоньки, неужели же – это не сон, и действительно ли огни принадлежат именно тому пароходу, который нас наконец вывезет из этого острова?

Кладбище на Лемносе

29.VIII. Атаманцы рано утром начали погрузку. Наше училище задолго до «подъема» уже всё было на ногах, и в три часа дня дошла очередь и на нашу погрузку. Вещи атаманцев уже как 2 дня были на пристани. Пароход берет 1200 человек; училищу приказано взять 650 – я как помощник дежурного по кухне (как раз сегодня в наряде) – знаю, что обедать будет 318 юнкеров строевых и 49 не строевых – недостающие до 650 будут – офицерская сотня, прикомандированная к училищу, обслуживающая команду, вероятно, придадут еще какую-нибудь, небольшую отдельную Кубанскую часть. Уже 28.VIII. часов в 6 вечера к нам пришли подводы из франц. Лемноского транспорта, и мы начали перевозить свои вещи на пристань. Оружие французы приказали сдать им, но у нас выходило на юнкера по 2 винтовки, а потому старые и учебные мы сдали, а боевые, плотно упаковав в одеяла и матрасы, нам удалось погрузить. Разместились на пароходе очень тесно. До Бургаса, как говорят, плыть дней шесть. До Константинополя дня два. По предварительной информации в Константинополе будем стоять дня полтора, где пополнимся топливом и питанием людям.

30. VIII. Часов в 6 утра пароход наконец начал готовиться к отплытию. В наших походных кухнях, которые мы погрузили, будут варить. Дамы, которых мы набрали из других частей на свою голову, стесняют публику. Так наконец-то, Слава Богу, наши нетерпеливые долгожданные ожидания сегодня исполнились – и пока наша нога не была уже на пароходе, не верилось, что действительно оставляем этот мертвый остров. Ночью почти не спали, пароход двинулся – последний взгляд на остров. Осадка горечи – перенесенных лишений, в этот момент не чувствовали, наоборот, были полны радостными надеждами ближайшей новой жизни.

31.VIII. Вчера вечером подходили к Дарданеллам, но говорили, что если пароход приедет к проливу после 8 часов вечера, то пропущен не будет. Было уже 8 вечера, до пролива оставалось еще часа 3-4, и пароходу пришлось заночевать в море (предоставленному самому себе), якорь спущен не был. Проснувшись сегодня, мы узнали, что пароход течением (которое у Дарданелл очень сильно), отнесен на очень порядочное расстояние от пролива. Уже с утра море не было спокойно, и к полдню разыгралась буря, и наш пароход заливался иногда перекидной волной. Поздней ночью раздался крик «человек за бортом!», а через несколько мгновений раздался с моря пронзительный крик. Оказывается, упал с «носа» корабля немного выпивший офицерских курсов капитан Золотарев; несмотря на бушующее море и почти бесполезность искать в темноте упавшего человека, все же немедленно была спущена шлюпка с матросами, и брошено несколько спасательных кругов. Но все было напрасно. У кипятка сегодня дежурят атаманцы, и поят чаем только своих. Вчера был сварен обед: рисовый суп с консервами, остаток обеда служил ужином. Хлеб дают старый, не Лемноской, а Константинопольской выпечки, да еще в интендантстве лежащий дней 10, а потому цвелой. Вошли в Дарданеллы, у входа у берегов много потопленных и выглядывающих из воды судов еще со времен Великой войны. Союзники здесь потеряли (англичане) 400000 солдат. Пролив узкий, очень живописный, особенно европейская сторона покрыта (уже долго отвыкшему нашему глазу видеть) зеленью. Пролив, как видно, во время войны был отлично укреплен, береговые орудия может быть и испорченные, отчетливо видны из своих укрытий. В одном из азиатских портов

Трубачи Кубанского Алексеевского военного училища

обогнали транспорт «410» с платовцами, на сутки раньше нас выехавшими из Лемноса. Ночью пришли на Галлиполи, нас встретила канонерка «Adele». У первого порта «Шанан Кале» расположены военные училища – Николаевское кавалерийское, Николаевское инженерное, Павловское пехотное, Сергиевское артиллерийское. Часов в 11 пришел к нам на пароход ком. 1-го корпуса ген. Кутепов [28] в форме Корниловского полка, поздоровался и обошел строй, а когда уходил из парохода кричали «Ура» и трубачи играли Преображенский марш; в 4 часа пароход медленно продолжал путь (скверный уголь). 2 сентября утром были в Мраморном море, сильный ветер и на море сильные волнения. Средняя и кормовая часть парохода все время заливаются перекидной волной. Трюмы закрыты, а масса мелких вещей как мешки, котелки, чайники снеслось водой в море. Люди с ног до головы обкатываются водой. Шутки и подбадривания капитана корабля поддерживают хорошее настроение. На пути масса островов. Остров «Мар-мор» – говорят, это как раз 1/2 нашего пути от «Галлиполи» до Константинополя, и в Константинополь приедем, вероятно, завтра утром.

3 сентября. Вошли в Босфор. Часов в 5 утра проходили Константинополь. Говорят, когда пароход проходил мимо «Лукулла», капитан парохода, обращаясь к дежурному офицеру «Лукулла» сказал: «Передайте главнокомандующему, что эшелоны Алексеевского и Атаманского военных училищ везу в Бургас». В 7 утра были в порту «Каваку», где будем стоять дня 2-3, пока не успокоится бушующее черное море. Босфор, как говорят, это одно из интереснейших живописных и красивейших мест на земном шаре. Ширина пролива версты 3-4, по обеим сторонам пролива дачи с роскошными ветвистыми деревьями, поодаль – горы. На рейдах масса пароходов. Европейский берег гораздо оживленней азиатского, хотя и там видны многоэтажные строения и роскошные дачи. Форты (которые тянутся большей частью по вершинам прилегающих к берегу гор), как видно, давно заброшены. Здорово хочется есть – сегодня утром выпил кружку чаю и позавтракал остатком хлеба и остатком сахара, купленном еще на Лемносе. Обед был в час дня – суп с крупой ячменной (шрапнель) и консервами пришлось есть без хлеба, и эта бурда была настолько невкусна, что ел только для того, чтобы не хотелось есть! На ужин будут варить сушеную морковь с консервами, это, пожалуй, будет несколько лучше обеда. Сахар дают каждый день – кружка на 25 чел. (выходит по чайной ложке). На пароходе сейчас опять (первый раз в Галлиполи) перегружают уголь из трюма в машинное отделение, опять все будут черные как арабы. Сегодня на пароходе произошел следующий инцидент: капитан парохода набил повару «коку» морду за то, что он на ночь пустил к себе переспать юнкеров – так как спать в проходе не было возможно, ввиду того, что пароход заливался водой. Кок подал жалобу генералу Максимову, чем кончится неизвестно.

4 сентября (воскресенье). Сегодня мы уже 6 дней как на пароходе. Вчера вечером французский миноносец вышел в Черное море – узнать, кончился ли Nord-Ost, и можно ли нашему пароходу продолжить путь. Но на море, оказалось, буря продолжается до сих пор. Возвращаемся в Константинополь за водой и провиантом. Капитан внимательно всматривался в темноту, и когда различил силуэт «Лукулла» – оркестр заиграл Преображенский марш, и вся посадка парохода кричала «Ура». Говорят, главнокомандующий

поздоровался. Утром получено распоряжение с французского катера – посадка транспортов «410» и «412» должна перегружаться на турецкий пароход «Kirason» и на нем продолжать свое дальнейшее путешествие. А через некоторое время подошла к нашему пароходу моторная шлюпка с русским андреевским флагом, и из неё морским офицером наш капитан парохода был уведомлен, что главнокомандующий приедет на наш пароход. Через 1/2 часа все были выстроены – на той же шлюпке приехал к нам ген. Врангель в форме «Лейб-Казаков». Преображенским маршем с криками: «Ура» – мы его встретили; он с нами поздоровался и сказал, что и на этот раз французы хотели помешать ему видаться с проходящими эшелонами, но как всегда им препятствия были обойдены. Потом пожелал нам счастливого пути и под крики «Ура» уехал. Мы же стали перегружаться на подошедший огромный «Kirason» – как раз перед нами красуется мечеть «Ай Сафи», далее мечеть «Халифа Амара» и старый дворец Султана, а дальше по всему Босфору тянется великолепный, красивый Константинополь. Мы стоим в «Золотом Роге». Французы, за неимением продуктов и хлеба выдали нам весь свой запас продовольствия: немного рису, консервов, вместо хлеба – муки, и лиры, но пока неизвестно, поскольку придется на человека. После ген. Врангеля приезжал ген. Богаевский [29], а терский атаман Вдовенко [30] совсем не приехал, но зато прислал своим терцам по 1/2 хлеба и по пачке табаку. Наши говорят: «Вот и остальные вместо сладких речей лучше прислали бы пожрать. От речей сыт не будешь. Турки, сволочи, продают хлеб по 3 драхмы. Офицерская школа на выданные лиры сразу же купила хлеба. Во время перегрузки – небольшое недоразумение – из упаковки выпал учебный снаряд, приведший в большое волнение французов. Была только одна варка, хлеба на завтра – кажется, не дадут.

5 сентября. В 3 часа ночи наш пароход вышел из Константинополя, а вечером часов в 6 прибыли в Бургас. По виду город небольшой. Пристань плохо устроена и мелка. Часов в 7 приехал морской болгарский офицер. Взял с собой на берег нач. эшелона ген. Татаркина [31] и двух полковников, а когда они вернулись, то распространился слух, что завтра высаживаемся на берег в Варне. На пароходе дали по 1/2 лепешки, выпеченной из константинопольской муки.

Григорий Васильевич Татаркин

6 сентября. Стоим пока на рейде в Бургасе. Болгары присылают нам продукты, уже ели сегодня болгарское мясо. Сегодня обед сварили пока из французских продуктов, а ужин уже будет, вероятно, из болгарской зелени, уже доставлен перец и хлеб. Терский атаман и здесь не забыл своих – им выдали по 75 динар и куску хлеба. К пристани подходит публика – пришли гимназистки, им атаманы сыграли вальс. Русские, которые недавно сюда прибыли, говорят, что в Софии было коммунистическое восстание, но при помощи русских – подавлено. Получены продукты: капуста, помидоры, перец, баклажаны. На ужин шикарный борщ с мясом, капустой и перцем. За все время выезда из России первая вкусная и аппетитная еда. Хлеба дали кило на человека.

7 сентября. Все еще стоим на рейде. Говорят, что ждут телеграммы генерала Вельяминова [32] – французы настаивают на скорейшей высадке, а в городе сейчас решают, где нас высадить. Военные болгарские власти якобы за высадку нас в Бургасе, гражданские же – в Варне.

8 сентября. Говорят, решено разгружать пароход поэтапно, по 400 человек, и сейчас же поездами люди будут отправляться в определенные стоянки. Наше училище разгру-

Кубанское Алексеевское военное училище. 1922 год, Болгария

жается якобы последним и это значит через 6 дней. Как нудно сидеть на пароходе, хотя и кормят ничего. Наблюдаем, как болгары разоружаются и вывозят в море снаряды.

9 сентября. Из Константинополя от французов получена телеграмма, в которой предлагается возможно быстрее разгрузиться.

10 сентября. Несмотря на сильный ветер и волнение моря вышли в море, направляясь в Варну. В 6 часов вечера были у пристани. Приезжали врачи, военные власти. Два дня назад с «Рашид Паши» выгрузились здесь Галлиполийцы и уже дезинфицируются, после ночи будем мы. По словам болгарина санитаря, который был прислан на наш пароход, Варна очень большой город – 200 000 населения. Пристань такая же, как и в Бургасе. Приезжал ген. Бредов [33] и поздравлял нас с благополучным приездом.

11 сентября. Все чего-то ждём – командиры частей ходили на берег, на совещание с болгарскими властями, результатом чего было: начиная с завтрашнего дня водить в баню по 70 чел, и когда все перекупаются – на том же самом пароходе возвратиться в Бургас. Французы, находящиеся на пароходе, возмущенные промедлением с разгрузкой паромов, ушли к консулу с жалобой, а поэтому возможна быстрая высадка. Ген. Болховитинов едет в Софию для личных переговоров с ген. Вязьмитиновым. Если бы не трубачи атаманского училища, то, пожалуй, от скуки умерли бы. Так как продукты были получены поздно, то на обед были галушки из запасной муки.

12 сентября. Вчера вечером дали удвоенную порцию хлеба (белого!), и сегодня после сытного обеда – борща с мясом и сметаной, наконец выгрузились на материк – многие крепостились. Расположились на берегу в ожидании дальнейших распоряжений.

13 сентября. Меня в числе 10-ти из сотни назначили разгружать трюм, который разгружали до 2-х часов ночи. Остальные юнкера ушли за город к дезинфекции. По окончании работы, по приказанию нач. хозяйств. части, рабочим был согрет чай, выдано по 1/4 хлеба и по 1/5 банки французских консервов, а сегодня утром на казенные деньги куплен табак, по пачке на рабочего.

18 сентября. Сегодня именины мамы, мы с братом вспомнили дом. Здесь в Варне я из сукна, купленного на Лемносе,

заказал сшить себе бриджи. Туманов [34] сделал себе сапоги и бескозырку, и мы с ним по очереди ходим в город. Училище разбило палатки за городом – выдерживаем карантин. Говорят, скоро едем обратно в Бургас, а оттуда в Казанлык, который как русские, так и болгары очень хвалят. На наш паёк отпускается на человека по 10 левов и кормят очень хорошо. Сегодня весь наш эшелон, состоящий из Алексеевского военного училища, Атаманского военного училища, Платовского и Калединского полков – ходили на молебен и парад по случаю прибытия в Болгарию. 21 сентября училище погрузилось на пароход «Царь Фердинанд» и прибыли в Бургас. Наши боятся, как бы болгары не отобрали у нас винтовки, так как при выгрузке очень строго просматривают вещи. Благополучно выгрузившись, мы узнали, что части, которые после нашего отъезда с Лемноса оставались еще там, успели уже прибыть в Бургас и отправиться дальше без всякой дезинфекции, на предназначенное место стоянки. Но здесь говорят, темное дело – генерал Агоев [35] дал как будто бы властям взятку, и без должных хлопот и ожиданий его эшелоны были посажены в вагоны, и долгая возня с нами стала нам понятной. Ген. Болховитинов говорил: «Я же говорил, что надо было не пожалеть 3000 лев и мы бы не ездили с места на место, а вдобавок еще за свой счет, на что истрачено 50.000 лев». В Варне нам дали по 50 лев и, конечно, они моментально были истрачены. В Варне наша футбольная команда играла с Дроздовцами, результат 3-2 в нашу пользу, а в воскресенье 18-го наша команда играла с Варненской, 2-0 в пользу болгар. Варненский сад с прудом произвел на всех большое впечатление.

22 сентября. Вчера поставили за городом палатки и по 10-17 человек разместились в них. Атаманцы уже уехали на место стоянки. Из 45-ти дневного заключения в Константинополе приехал Полянский, был освобожден по ходатайству генерала Врангеля. Разрешен отпуск в город, но рекомендуется ходить не менее как трем человекам, так как Бургас знаменит своими коммунистическими выступлениями. На перевозку училища дают 7 вагонов. Перед нашим выездом из Варны туда прибыл с болгарскими подданными и даже несколькими коммунистами пароход из Советской России (из Одессы), рассказывают ужасы, не коллегиальным поведением приезжих товарищей возмущаются местные коммунисты.

24 сентября. Вчера ходил в город, в котором только и есть две приличных улицы, вообще же город очень скверный. С большой досадой узнали, что в Казанлык едет штаб группы. Нас же посылают в какую-то дыру – Тырново-Сеймен.

25 сентября. Сегодня подъём в 4 часа утра, едем в Тырново – от каждой сотни оставлено по взводу юнкеров для погрузки вещей. Перевозка будет произведена тремя эшелонами. 1-й эшелон во главе с полк. Головинским едет сегодня в пять утра. Юнкера взяли только самые необходимые вещи. 2-й эшелон – оставшиеся юнкера с сотенными вещами, с ними едут и все строевые офицеры. 3-й эшелон – семейные офицеры, преподаватели, дамы – едут, вероятно, завтра утром.

26 сентября. Как и нужно было ожидать – поездка отложена. Наши новые очаровали болгарскую публику. Дело в том, что в субботу вечером, наш училищный священник служил в местной церкви, молящихся было много как русских, так и болгар, и последние были очарованы пением. Вчера произошел интересный случай – я с Кагодеевым [36] ходили по лагерному расположению. Вдруг видим, прямо к нам направляется какой-то болгарин с мальчиком. Подойдя к нам, он объяснил, что если нам тесно спать в палатке, то он приглашает нас двоих к себе. Посоветовавшись вместе, мы согласились, условились, что за нами придет малыш после вечерней переключки. Мальчик пришел, по дороге мы нашли с ним общий язык, и узнали от него, что его отец присяжный поверенный, и даже что есть у него сестра 15 лет и 21-летний брат, 2 года назад сбежавший в Италию, по которому они никаких сведений не имеют. Дома мы застали присяжного поверенного, который был рад нашему приходу, приветствовал нас рюмкой коньяку, чаем и хлебом с медом. После этого он предложил нам пойти на собрание евангелистов, где как раз и были его жена и дочь. С собрания мы вернулись уже знакомыми с целой семьей. Все оказались очень любезны и симпатичны. Рассказали нам, как могли по-русски о своем несчастье – бежавшем сыне и, наконец, хорошенькая Сикл сыграла нам на скрипке несколько вещей. Уложили спать нас в чистенькие, мягкие постели с подушками и одеялами; после одиннадцати месяцев скитания как-то не верилось, что есть такие добрые, милые люди. Утром, после чаю с хлебом и голландским сыром, мы ушли к себе в лагерь, сердечно поблагодарив за радушный при-

ём – и не могли отказаться от приглашения на обед, и в час дня опять, уже в последний раз, зашли к ним. Нас угостили великолепно приготовленным зайцем. Немного еще посидев, мы, поблагодарив всех за гостеприимство, должны были вернуться в свой лагерь. Сикл нас провожала – она шла к себе в гимназию отбывать трудовую повинность. Бедная Болгария – следствием проигрыша войны явилась трудовая повинность, по которой и все учащиеся из 7 дней 5 – должны работать на государство. Кроме этого Болгария должна переслать Сербии, Греции, Румынии – миллион лошадей, миллион рогатого скота, свиней, барашек, кур и т.д. Сегодня в 7 вечера едем в Тырново.

29 сентября. 26-го в 8 часов вечера выехали из Бургаса со всеми вещами. 27 вечером приехали в Тырново («Златен Дол», так называется железнодорожная станция). Питание уже так хорошо наладилось, что даже в поезде нам варили чай и обед. «Братушки», скольких мы не встречали, чуть ли не все большевики – и нам говорили: «из России убежали – скоро и отсюда убежите». Встретили приятно, нечего сказать! Место, отведенное для нашего училища – были пустые казармы, предназначавшиеся раньше для какого-то нашего полка. Город небольшой, и кажется, совершенно без интеллигенции. В общем, порядочная дыра. Наши квартирьеры, ездившие в Казанлык, не могут им нахвалиться, но говорят, приехавшие туда донцы – перепились и набезобразничали там. В казармах расположились свободно. Хозяйственное дело сейчас налаживается – но продукты здесь дороже, чем в Бургасе или Варне, а поэтому и питание будет, вероятно, хуже. Тырново небольшой, разбросанный на холмах городок; между станцией и городом протекает р. Марица, через которую во время войны немцами проложено три моста – два железнодорожных и один для пешеходов.

30 сентября. Пошел на Марицу постирать белье – удивительная вода – достаточно небольшого кусочка мыла, чтобы бельё было чистым. Живется очень скучно, делать нечего, а поэтому, вероятно, целый день хочется есть. Некоторые от скуки купили удочки и ходят ловить рыбу, некоторые ходят осматривать местность. Кажется, единственная, более или менее большая река в Болгарии у Тырново-Сеймена, с массой живописных островков. На реке стоит несколько водяных мельниц. По правому берегу над рекой тянется железная до-

Помещение офицерской сотни Кубанского Алексеевского военного училища

рога в Софию. По обоим берегам много деревьев вербы, дикие груши и др. Сегодня наш нач. училища именинник, наши вахмистры ходили его поздравлять. Он им сказал, что хлопочет о нашем переводе в Софию, или в какой-нибудь большой город, причем все хвосты от училища откомандирует.

2 октября. Думаю тоже купить удочку. В пятницу, говорят, здесь начнется ярмарка. Будет небольшое разнообразие. Сегодня воскресенье – наши певчие идут в церковь.

3 октября. От нечего делать слоняешься целыми днями по казарме или же идешь на реку Марицу купаться. Марица не глубокая и не широкая, но довольно-таки бурная. Сегодня наш начальник училища именинник. Наши вахмистры ходили его поздравлять. Он им сказал, что хлопочет о нашем переводе в Софию или в какой-нибудь большой город, причем все хвосты от училища откомандирует.

9 октября. Вчера п. Кагодеев получил от своего друга и кузины из Сербии письма – там совершенно другой мир, другая жизнь. Как хороший друг и товарищ по корпусу, узнав о нашей тяжелой жизни – предлагает нам оставить училище и ехать к ним жить.

16 октября. Вчера вечером из Софии к нам приехал наш войсковой атаман ген. Науменко, который имел своей целью познакомиться с нашей жизнью. Наша сотня в синих бриджах и сапогах, сшитых еще на Лемносе, была в почетном карауле. Генерал в кратких словах нам рассказал о том, где и как живут кубанские казаки – большинство в Сербии на работах, где каждый получает по 18 динар в день; Гвардейский дивизион и еще некоторые части стоят на пограничной службе. Атаман не был у нас долго, и в ночь на 17 октября уехал. Дней 5 назад полк. Кравченко [37] ездил в Хасково, там стоит болгарский конный полк – был туда командирован за духовыми инструментами и кроватями – так мы спим прямо на полу (хорошо еще, что вывезли из Лемноса тюфяки) – но во всем было отказано. Под видом отпуска нам разрешено ходить на работы. Много юнкеров ходит рубить лес, зарабатывают по 30 лев в день. Я завтра иду с Кулешом, Титовым и Сохиевым [38] рыть ледник. За каждый кубический метр вырытой земли болгарин обязуется нам платить 22 ½ лева. Мы рассчитали, что на человека придется по 250 лева, хотя работа и трудная, но работать нужно, потому что деньги нужны на сапоги и одежду.

18 октября. Вчера я и Кагодеев получили письмо из Бургаса, в котором наш знакомый присяжный поверенный Дмитриев извиняется за долгое молчание и приглашает нас к себе. Сегодня, по случаю нашего Кубанского войскового праздника, был отслужен молебен, и кроме этого празднество ничем другим не выразилось. В училище получены некоторые товары для открывающейся лавочки, будет, между прочим, продаваться товар на сапоги и сукно на красные бескозырки. С 1-го ноября, как говорят, начнутся у нас в училище серьезные занятия, и к этому времени сделают нары, поставят столы и печи.

Владимир Отрешико [39]

Примечания (персоналии):

1. Барон Врангель Петр Николаевич – р. 15 авг. 1878 в г. Ново-Александровске Ковенской губ., Ростовское реальное училище, С.-Петербургский Горный институт 1901, вольноопределяющийся Л.-Гв. Конного полка, экзамен при Николаевском кавалерийском училище на чин корнета Гвардии 1902, в Русско-японской войне, Академия Генштаба 1910. В Великой войне орден Св. Георгия 4 ст. (13 окт.1914), Георгиевское Оружие (10 июня 1915), полковник (11 дек.1914), командир 1-го Нерчинского полка ЗабКВ (с 8 окт.1915), генерал-майор (13 янв.1917), вр. командующий Уссурийской конной дивизией (с 23 янв.1917), командующий Сводным конным корпусом (с 10 июля 1917). В Добровольческой армии и ВСЮР начальник 1-й Конной дивизии (30 окт.1918), генерал-лейтенант (22нояб.1918), командующий Кавказской Добровольческой армией (10 янв.1919), Главнокомандующий ВСЮР (с 22 мар.1920), провел эвакуацию Русской Армии из Крыма (нояб.1920). Преобразовал Армию в РОВС (1 сен.1924), умер в Брюсселе 25 апр. 1928, перезахоронен в Свято-Троицкой церкви в Белграде, Югославия 6 окт. 1929.

2. Фостиков Михаил Архипович – р. 25 авг. 1886, казак ст. Баталпашинской ККВ, Ставропольское реальное училище, Алексеевское военное училище 1908, вышел хорунжим в 1-й Лабинский полк ККВ, в Персидском походе 1909-1912. В Великой войне адъютант того же полка, командир сотни

4-го Сводно-Кубанского (Ставропольского) полка с 1915, войсковой старшина 1917, окончил 1-й курс Академии Генштаба (март 1918). В Добровольческой армии и ВСЮР командир 1-го Кубанского полка ККВ (8 июля 1918), генерал-майор (5 июня 1919), начальник 2-й Кубанской казачьей дивизии (по фев. 1920), командующий «Армией возрождения России» на Кубани (май-октябрь 1920), в Русской Армии генерал-лейтенант, орден Св. Николая Чудотворца 2-й ст. (17 окт. 1920), о. Лемнос, командир Сводного Кубанского корпуса. В эмиграции в Югославии начальник Кубанской казачьей дивизии (по 12 июня 1921), умер в Белграде 29 июля 1966.

3. Деревлев Василий Алексеевич – р. 22 мар. 1888, казак ст. Усть-Лабинской ККВ, Николаевское кавалерийское училище 1908, вышел хорунжим в 1-й Кубанский полк ККВ, подьесаул 3-го Кубанского полка на 1916. Во ВСЮР и Русской Армии командир конной сотни Кубанского ген. Алексеева военного училища, полковник, о. Лемнос. В эмиграции, в составе училища в Болгарии на осень 1925, затем во Франции, возглавлял группу училища в Коломбе в 1931, умер в Париже 12 янв. 1967.)

4. Полянский Николай Петрович – во ВСЮР и Русской Армии юнкер конной сотни Кубанского ген. Алексеева военного училища, Георгиевский крест 4 ст. № 1240647, о. Лемнос, хорунжий. В эмиграции, в составе училища в Болгарии на осень 1925, затем во Франции, умер в Аньере 14 окт. 1969.

5. Возм., Луценко Павел Ефимович – р. 25 июня 1865, казак ст. Екатериноградской ТКВ, сын офицера, Владикавказская прогимназия, Ставропольское казачье юнкерское училище 1886, Офицерская кавалерийская школа, офицер 1-го Волгского полка ТКВ, полковник, командир 1-го Терского запасного полка. С 31 мая 1918 председатель хозяйственного отдела ТКВ, в Терском восстании 1918, в Добровольческой армии и ВСЮР командир полка, командир 2-й бригады 1-й Терской казачьей дивизии с 16 июля (3 нояб.) 1919 по 25 янв. 1920, в резерве чинов с 11 фев. 1920. На о. Лемнос начальник хозчасти Кубанского ген. Алексеева военного училища. В эмиграции во Франции, умер в Ницце 5 июля 1939.

6. Болтунов Александр Дмитриевич – р. 10 янв. 1868. Киевское реальное училище, Алексеевское военное училище 1891, Академия Генштаба 1903, офицер Гунибского резерв-

ного батальона, генерал-майор, командир 155-го пехотного полка, начштаба 4-й Туркестанской стрелковой дивизии и 1-го Кавказского армейского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР с окт. 1918, в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР с 19 окт. 1918, в резерве чинов при штабе Кавказской Добровольческой армии с 22 янв. 1919, занимал должности по Генштабу и в Александровском военном училище, в Русской Армии начальник Кубанского ген. Алексеева военного училища 8 мая 1920-фев. 1921, о. Лемнос. В эмиграции, инспектор классов с 1921, и.д. начальника Николаевского инженерного училища с апр. 1922, начальник училища в Болгарии на осень 1922, умер на mine Перник 21 окт. 1933.

7. Великосельский Дмитрий Константинович – р. 1900 в Елабуге, во ВСЮР и Русской Армии юнкер конной сотни Кубанского ген. Алексеева военного училища, в десанте на Кубань июле-авг. 1920, Георгиевский крест 4 ст. № 1119751, о. Лемнос. В эмиграции в Болгарии в составе училища, поручик на 1925.

8. Юдин – во ВСЮР и РА юнкер конной сотни Кубанского ген. Алексеева военного училища, о. Лемнос на янв. 1921.

9. Науменко Вячеслав Григорьевич – р. 25 фев. 1883, казак ст. Петровской ККВ, Михайловский Воронежский кадетский корпус 1901, Николаевское кавалерийское училище 1903, офицер 1-го Полтавского полка ККВ, Академия Генштаба 1914, старший адъютант, и.д. начштаба 1-й Кубанской казачьей дивизии, Георгиевское Оружие (22 апр. 1915), Генштаба подполковник (2 апр. 1917). Начальник Полевого штаба Командующего войсками Кубанской обл. (28 нояб. 1917), полковник (25 фев. 1918), первопоходник, в Добровольческой армии и ВСЮР, командир Корниловского конного полка (27 июня 1918), начальник 1-й Конной дивизии (19 нояб. 1918), генерал-майор (8 дек. 1918), зачислен в Генштаб (25 янв. 1919), Походный Атаман ККВ (1 фев. 1919), командир 2-го Кубанского конного корпуса (11 окт. 1919), в Русской Армии командир корпуса, конной группы (1920), о. Лемнос. Кубанский Войсковой Атаман (1920-1958). В эмиграции в Югославии, член Главного Управления Казачьих Войск 1944-1945, умер в Нью-Йорке 30 окт. 1979.

10. Болховитинов Леонид Митрофанович – р. в 1871, Алексеевское военное училище 1892, вышел в 14-й гре-

надерский Грузинский полк, Академия Генштаба 1898, в экспедиции в Китае 1900-1901, в Русско-японской войне, Золотое Оружие. В Великой войне генерал-квартирмейстер (1914), начштаба Кавказской Армии 1915-1916, генерал-лейтенант, командир 1-го армейского корпуса (июнь 1917). В Добровольческой армии разжалован в рядовые за службу у большевиков (1918), восстановлен в чине (1919), член Кубанского правительства по военным делам (1920), в Русской Армии инспектор классов Кубанского ген. Алексеева военного училища, о. Лемнос. В эмиграции, застрелился в Болгарии в 1927.

11. Лебедев Олег Иванович – р. 11 января 1892 в Екатеринодаре, казак ст. Роговской ККВ, Николаевское кавалерийское училище 1911, вышел хорунжим в 1-й Екатеринодарский полк ККВ. В Великой войне подъесаул, Георгиевское Оружие (6 янв. 1915), командир сотни. В Добровольческой армии и ВСЮР помощник командира 1-го Екатеринодарского полка (сен. 1918), полковник (19 дек. 1918), командир того же полка (с 17 мар. 1919), в Русской Армии генерал-майор (1920). На Лемносе и в эмиграции начальник Кубанского ген. Алексеева военного училища (фев. 1921–1925), офицер-воспитатель Кадетского корпуса им. Императора Николая II в Версале (1946), хранитель Кубанских Войсковых регалий, умер в Нью-Йорке 15 нояб. 1973.

12. Кулеш И. – казак ст. Прохладной ТКВ, во ВСЮР и Русской Армии юнкер Кубанского ген. Алексеева военного училища, о. Лемнос.

13. Ткачев Семен Иванович – р. 1900, казак ст. Прохладной ТКВ, во ВСЮР и Русской Армии юнкер Кубанского ген. Алексеева военного училища, о. Лемнос. В эмиграции, в составе училища в Болгарии, хорунжий на осень 1925.

14. Головинский Василий Александрович – р. 1873, казак ст. Нижне-Курмоярской Обл. Войска Донского, полковник. Во ВСЮР, в Русской Армии в Кубанском ген. Алексеева военном училище, о. Лемнос. В эмиграции в составе училища в Болгарии на осень 1925.

15. Безбородов Василий Иванович – р. 1899, казак ст. Новосуворовской ККВ, во ВСЮР и Русской Армии юнкер Кубанского ген. Алексеева военного училища в 1920.

16. Иконников Николай Николаевич – во ВСЮР и Русской Армии юнкер полубатарей Кубанского ген. Алексеева

военного училища, в десанте на Кубань июле-авг. 1920, Георгиевский крест 4 ст. № 1240641, о. Лемнос. В эмиграции в Канаде, умер в Монреале 21 мая 1981.

17. Хмара (-ин) Андрей – во ВСЮР и Русской Армии юнкер 1-й пластунской сотни Кубанского ген. Алексеева военного училища, б/в пропал в десанте на Кубань 9 авг. 1920.

18. Титов Василий – во ВСЮР и Русской Армии юнкер конной сотни Кубанского ген. Алексеева военного училища, в десанте на Кубань июле-авг. 1920, Георгиевский крест 4 ст. № 1222430, о. Лемнос.

19. Дмитренко Василий Васильевич – р. 1900, казак ст. Наурской ТКВ, во ВСЮР и Русской Армии юнкер конной сотни Кубанского ген. Алексеева военного училища, в десанте на Кубань июле-авг. 1920, Георгиевский крест 4 ст. № 1100772, о. Лемнос. В эмиграции в Болгарии в составе училища, сотник на 1925. После 1945 в США, умер в Бингхэптоне 10 нояб. 1970.

20. Милашевич Борис Григорьевич – р. 1894, казак ст. Новолеушковской ККВ, Императора Александра II кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище 1914, вышел хорунжим в 1-й Хоперский полк ККВ, сотник, начальник пулеметной команды 2-го Хоперского полка к 1.02.1917. Во ВСЮР и Русской Армии в штабе инспекции конницы до эвакуации Крыма, полковник, эвакуирован на корабле «Сцегед», на о. Лемнос, адъютант Кубанского ген. Алексеева военного училища. В эмиграции в Болгарии в составе училища на осень 1925, возглавлял группу училища в Софии в 1931.

21. Отрешко Виктор Пантелеймонович – р. 1903, казак ст. Полтавской (?), во ВСЮР и Русской Армии юнкер Кубанского ген. Алексеева военного училища, о. Лемнос, хорунжий. В эмиграции в Болгарии, умер в Велико-Тырново 6 фев. 1924.

22. Любарский Вадим Иванович – р. 14 авг. 1866 в Варшаве, Санкт-Петербургский университет, Московское пехотное юнкерское училище 1888, Академия Генштаба. Полковник. Во ВСЮР, эвакуирован нач. 1920 из Новороссийска на корабле «Владимир» на о. Лемнос, 16 окт. 1920 выехал в Русскую Армию в Крым на корабле «Херсон», в Русской Армии до эвакуации Крыма. На Лемносе преподаватель Кубанского ген. Алексеева военного училища.

В эмиграции, в составе училища в Болгарии осенью 1925, умер в Невроколе (Болгария) 27 фев. 1927.

23. Артифексов Леонид Александрович – казак ТКВ, Тифлисская гимназия 1907, Алексеевское военное училище 1909, вышел хорунжим в 1-й Сибирский полк СибКВ, с 1913 в 1-м Запорожском полку ККВ. В Великой войне сотник пулеметной команды 2-й Кавказской казачьей дивизии, орден Св. Георгия 4 ст. (29 июля 1918, за отличия в Великой войне), с 1916 командир 6-го броневомобильного отделения, капитан. В Добровольческой армии и ВСЮР полковник Корниловского конного полка 1918, ранен, командир 1-го Линейного полка ККВ (с 8 дек. 1918), тяжело ранен, командир Корниловского конного полка (май 1919), штаб-офицер для поручений при командующем Кавказской армией, в Русской Армии, генерал-майор 1920. В эмиграции, умер в Сербии 3 июня 1926.

24. Лебединский Иван Дмитриевич – р. 1888, казак ст. Курганной ККВ, Майкопское реальное училище, Алексеевское военное училище 1909, вышел хорунжим в 1-й Полтавский полк ККВ, подъесаул 2-го Полтавского полка, старший адъютант при штабе 1-й Кубанской казачьей дивизии на янв. 1917. Во ВСЮР и Русской Армии до эвакуации Крыма, полковник. о. Лемнос. В эмиграции, во Вранье (Сербия), командир сотни 1-го Сводно-Кубанского полка на осень 1925, затем во Франции, умер в Бордо 1 янв. 1969.

25. Абрамов Федор Федорович – р. 23 дек. 1870, казак ст. Митякинской Обл. Войска Донского, Петровский Полтавский кадетский корпус, Николаевское инженерное училище 1891, Академия Генштаба 1898, офицер Л.-Гв. 6-й Донской казачьей батареи. В Великой войне генерал-майор, командующий 2-й Туркестанской казачьей дивизией. Первопоходник, начальник 1-й Донской конной дивизии (1918), генерал-лейтенант (26 авг. 1918), в Русской Армии командир Донского корпуса (с 5 мая 1920), командующий 2-й армией (с 10 окт. 1920), орден Св. Николая Чудотворца 2 ст., о. Лемнос, командир Донского корпуса (с 12 дек. 1920). В эмиграции в Болгарии, Югославии, начальник РОВС (22 сен. 1937-23 мар. 1938), умер в Лейквуде, США 8 мар. 1963.

26. Максимов Алексей Михайлович – р. 16 мар. 1876, казак ст. Верхне-Курмоярской Обл. Войска Донского, сын офицера, Донской кадетский корпус 1894, Константинов-

ское артиллерийское училище 1897, Академия Генштаба 1903, офицер 17-й Донской казачьей батареи, полковник, инспектор классов Владимирского военного училища. В гетманской армии 1918, начальник Инструкторской офицерской школы, начальник 2-й Киевской сводной школы (быв. Алексеевского инженерного училища), нояб.-дек. 1918 в Киеве. В Донской армии и ВСЮР, начальник штаба инспектора кавалерии Донской армии (19 сен.-8 нояб. 1919), генерал-майор с 1919, начальник Атаманского военного училища с мар. 1920. В Русской Армии одновременно командир Донского пластуна юнкерского полка (мар.-26 июля 1920), о. Лемнос. В эмиграции Болгарии с 1921 (высылался из страны в 1922), председатель объединения Атаманского ВУ, умер в Софии 22 фев. 1924.

27. Мурашко Владимир Николаевич – р. 1901 в Тифлисе, Владикавказский кадетский корпус, во ВСЮР и Русской Армии юнкер конной сотни Кубанского ген. Алексева военного училища, ранен в десанте на Кубань 17 авг. 1920, Георгиевский крест 4 ст. № 1240622, о. Лемнос. В эмиграции в Болгарии в составе училища на 1925, поручик 2-го гусарского полка во Франции, умер 4 мар. 1953.) и Степанов (**Степанов Пантелеймон Георгиевич** – р. 1900, во ВСЮР и Русской Армии юнкер Кубанского ген. Алексева военного училища, о. Лемнос. В эмиграции в Болгарии в составе училища, хорунжий, умер в с. Шипка 7 окт. 1922.

28. Кутепов Александр Павлович – р. 16 сен. 1882, Архангелогородская гимназия, Санкт-Петербургское пехотное юнкерское училище 1904, в Русско-японской войне в 85-м пех. Выборгском полку, за боевые отличия переведен Л.-Гв. в Преображенский полк 1907. В Великой войне орден Св. Георгия 4-й ст. и Георгиевское Оружие, полковник, командующий Л.- Гв. Преображенским полком 1917. В Добровольческой армии и ВСЮР командир 3-й офицерской, гвардейской роты (нояб. 1917), первопоходник, командир Корниловского полка, бригады, 1-й пехотной дивизии, генерал-майор (12 нояб. 1918), во ВСЮР командир 1-го армейского (13 янв. 1919), Добровольческого (дек. 1919) корпусов, в Русской Армии генерал-лейтенант (23 июня 1919), командующий 1-й армией (авг. 1920), генерал от инфантерии (20 окт. 1920). В Галлиполи командир 1-го армейского корпуса, начальник РОВС с 29 авг. 1928, убит в Париже 26 янв. 1930.

29. Богаевский Африкан Петрович – р. 27 дек. 1872, казак ст. Каменской Обл. Войска Донского, Донской Императора Александра III кадетский корпус 1890, Николаевское кавалерийское училище 1892, Академия Генштаба 1900, офицер Л.-Гв. Атаманского полка. В Великой войне начштаба 2-й Гвардейской кавалерийской дивизии, Георгиевское Оружие (10 нояб. 1914), командир Л.-Гв. Сводно-Казачьего полка, генерал-майор (мар. 1915), начштаба Походного Атамана всех Казачьих Войск (окт. 1915–апр. 1917), начальник 1-й Гвардейской кавалерийской дивизии (1917). Первопоходник, командир Партизанского полка и 2-й бригады, в Донской армии, генерал-лейтенант (27 авг. 1918), Донской Войсковой Атаман (6 фев. 1919). В эмиграции, умер в Париже 21 окт. 1934.

30. Вдовенко Герасим Андреевич – р. 4 мар. 1867, казак ст. Государственной ТКВ, Владикавказское реальное училище, Ставропольское казачье юнкерское училище 1888, хорунжий 1-го Кизляро-Гребенского полка ТКВ (с 23 дек. 1889), в Русско-японской войне, с 1909 г. в 1-м Волгском полку ТКВ, войсковой старшина (6 мая 1914). В Великой войне помощник командира полка (с июля 1914), командующий полком (11 дек. 1914–января 1915), Георгиевское Оружие (24 фев. 1915), полковник (27 апр. 1915), командир 3-го Волгского полка (31 мар. 1916), командир 2-й бригады 4-й Кубанской казачьей дивизии (с 22 фев. 1917). В Терском восстании начальник Моздокской линии и Прохладненского отряда 1918, в Добровольческой армии и ВСЮР генерал-майор (18 янв. 1919), генерал-лейтенант (13 мар. 1919), Терский Войсковой Атаман (28 фев. 1919–1945), в Русской Армии. В эмиграции в Югославии, арестован Смерш в янв. 1945, вывезен в СССР, умер в Темлаге НКВД, Мордовия 22 янв. 1946.

31. Татаркин Григорий Васильевич – р. 27 нояб. 1873, казак ст. Новочеркасской Обл. Войска Донского, сын чиновника, Новочеркасская гимназия, Новочеркасское казачье юнкерское училище 1895, Академия Генштаба, офицер 16-го Донского казачьего полка (1896), пом. старшего адъютанта управления Окружного Атамана Усть-Медведицкого округа (1903–1908), в том же полку (1908–1913). В Великой войне полковник (21 нояб. 1916), командир 33-го Донского казачьего полка (на фев. 1917). С 1918 в Донской армии, командир

отряда и группы войск (апр.-июль 1918), командир 1-го конного отряда (июль 1918–мар. 1919), генерал-майор, начальник 4-й Донской конной дивизии (мар.-май 1919), генерал-лейтенант (19 окт. 1919), командир 9-й Донской конной бригады (по май 1920), в Русской Армии командир 2-й бригады 2-й Донской дивизии (май–авг. 1920), начальник 2-й Донской конной дивизии (авг.–сен. 1920), о. Лемнос, начальник 1-й Донской конной дивизии (января 1921). В эмиграции в Болгарии, Югославии, Германии, в Донском офицерском резерве (на 1925), в Белграде избран Войсковым Атаманом (мар. 1942–1947). Во 2-й Мировой войне участвовал в формировании казачьих соединений в составе вермахта, начальник управления Совета Казачьих Войск при ВС КОНР (мар.-май 1945), умер в госпитале лагеря «ДиПи» возле Мюнхена 14 окт. 1947, похоронен в Фельдмохинге, Германия.

32. Речь идет о ген. В.Е.Вязьмитинове: Вязьмитинов Василий Ефимович – р. 22 фев. 1874, из мещан, офицерский экзамен при Одесском пехотном юнкерском училище 1894, академия Генштаба 1904, офицер 21-го пехотного полка, командир 15-го Сибирского стр. полка 1915–1917, генерал-майор (апр. 1917), командующий 136-й пех. дивизией (май 1917), орден Св. Георгия 4 ст., генерал-лейтенант (10 сен. 1917), командир 6-го Сибирского армейского корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР, начальник отделения штаба армии с 1918, пом. начальника Военного управления штаба ВСЮР с янв. 1919, военный и морской министр Южнорусского правительства, затем начальник Военного управления в Русской Армии до эвакуации Крыма. В эмиграции, военный представитель в Болгарии 1921–1923, в Югославии с 1923, правитель дел Державной комиссии по делам русских беженцев, член Общества кавалеров ордена Св. Георгия и Общества офицеров Генштаба, умер в Белграде 29 янв. 1929.

33. Бредов Николай-Павел-Константин Эмильевич – р. 31 окт. 1873 в Санкт-Петербургской губ., сын генерал-майора, 1-й Московский кадетский корпус 1891, 2-е Константиновское военное училище 1893, Академия Генштаба 1901, офицер 13-го стр. полка. Командир 166-го пех. полка, орден Св. Георгия (3 фев. 1915), генерал-майор (авг. 1915), начальник Финляндской стр. дивизии (апр. 1917), генерал-лейтенант (окт. 1917), командир 21-го арм. корпуса. В Добровольческой армии и ВСЮР, в Киевском центре с

25 нояб. 1918, в резерве чинов при штабе Главкома ВСЮР с 24 янв. 1919, начальник 7-й пехотной дивизии (июнь 1919-мар. 1920) во взятии Царицына, командующий войсками в Киеве, в Одессе, возглавил поход из Одессы в Польшу с янв. 1920, в Крыму с авг. 1920. В эмиграции в Болгарии, в распоряжении начальника РОВСа 1930-1931, председатель Союза «Долг Родине», возглавлял группу 2-й Галлиполийской роты в Софии, в 1930-х заведующий инвалидным домом в Шипке. В 1945 вывезен в СССР и погиб в лагерях.

34. Туманов Христофор Александрович – р. 1899 в Самарканде, во ВСЮР и Русской Армии юнкер конной сотни Кубанского ген. Алексеева военного училища, контужен в десанте на Кубань 15 авг. 1920, о. Лемнос. В эмиграции в Болгарии в составе училища, сотник на 1925.

35. Агоев Константин Константинович – р. 2 апр. 1889, казак ст. Ново-Осетинской ТКВ, сын урядника, Николаевское кавалерийское училище 1909, Офицерская гимнастическо-фехтовальная школа 1913, офицер 1-го и 2-го Волгских полков ТКВ. В Великой войне Георгиевское Оружие (24 фев. 1915), орден Св. Георгия 4 ст. (18 нояб. 1917), войсковой старшина, помощник командира 1-го Волгского полка ТКВ. Командир отряда в Терском восстании 1918, полковник, в Добровольческой армии и ВСЮР командир 1-го Терского казачьего полка (1918), 2-й бригады, начальник 1-й Терской казачьей и Терско-Астраханской дивизий (1919), в Русской Армии генерал-майор (4 мая 1920), командир Терско-Астраханской казачьей бригады, о. Лемнос. В эмиграции в Югославии, Франции, Терский Войсковой Атаман (1952-4 апр. 1970), умер в Стратфорде, США 21 апр. 1971.

36. Кагадеев Павел Павлович – р. 1898 в Сумах, Сумский (?) кадетский корпус, во ВСЮР и Русской Армии юнкер Кубанского ген. Алексеева военного училища, о. Лемнос. В эмиграции, в составе училища в Болгарии, сотник на осень 1925.

37. Кравченко Евгений Васильевич – р. 12 янв. 1892 в Каменец-Подольском, казак х. Широчанского ККВ, Сумский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище 1912, подъясаул 1-го Екатеринодарского полка ККВ. Первопоходник в 1-м Кубанском конном полку, в Добровольческой армии, во ВСЮР и Русской Армии в Кубанском ген. Алексеева ВУ, полковник, о. Лемнос. В эмиграции, в

составе училища в Болгарии на осень 1925, во Франции помощник командира Екатеринодарской сотни при училище в Риве на 1928, в Гренобле на 1930, председатель объединения Сумского кадетского корпуса в 1932, член Общества Галлиполийцев. Окончил Высшие военно-научные курсы в Париже (3-й вып.), руководитель (пом. руководителя) курсов в 1938, редактор журнала «Армия и Флот» 1938-1939. Во Второй мировой войне командир полка в казачьих частях вермахта. После 1945 в Германии, начальник 2-го отдела РОВС, представитель Кубанского Атамана в Германии, умер в Гаутинге 6 фев. 1957.

38. Сохиев Константин Ильич – р. 1892 в с. Осетинском, во ВСЮР и Русской Армии юнкер Кубанского ген. Алексеева ВУ, о. Лемнос. В эмиграции, в составе училища в Болгарии сотник на осень 1925, затем во Франции, умер в Ганьи в 1972.

39. Отрешко Владимир Пантелеймонович – казак ст. Полтавской (?), во ВСЮР и Русской Армии юнкер конной сотни Кубанского ген. Алексеева ВУ, в десанте на Кубань июле-авг. 1920, Георгиевский крест 4 ст. № 1240691, о. Лемнос. В эмиграции в Болгарии в составе училища, затем в Чехословакии, член Общества русских, окончивших вузы в Чехословакии 1926-1931.

Винокуров Владимир Васильевич, 1949 года рождения. Около 50 лет прожил в станице Приазовской, в настоящее время проживаю в ст. Новоджерелиевской, Брюховецкого района, что в 10 км от ст. Приазовской.

В 1988 г. окончил КубГУ, историк. Моими преподавателями были: Шевченко Г.Н., Ратушняк В.Н., Громов В.П. Дипломная работа на тему: «Социально-экономическое развитие Приморско-Ахтарского района в досоветский период (конец XVIII-1917г.)».

Историк-краевед, работаю в музее станицы Бриньковской главным хранителем. До пенсии почти 30 лет проработал учителем в школе: военным руководителем, учителем истории и обществознания.

С начала 80-х годов активно работаю в Архивах, по крупицам собираю материалы по местной истории, станиц Приморско-Ахтарского района, ст. Новоджерелиевской. Особый интерес к «белым пятнам» в нашей истории – Первой мировой и Гражданской войнам, рассказывании в 20-е годы, коллективизации 20-30-х годах. Благодаря спонсорской помощи в 1990г. удалось поработать в Газетном Архиве РФ, что в г. Химки, в ГАРФ и даже в закрытых Архивах.

В 2014 г. две недели посчастливилось поработать в ГАРФ. Благодаря подсказке Анискиной Елены Валентиновны, зам. директора Архива, удалось поработать и скопировать ряд документов по истории Врангелевского десанта в Приморско-Ахтарской станице, а также просмотреть документы Белой эмиграции в Париже, Константинополе, Лемносе, Сербии, поступившие из Гуверовского Архива (США).

Более 30 публикаций в районной газете «Советское Приазовье», «Приазовье», в сборниках и журнале РОИА. С 2010 г. Председатель Приморско-Ахтарской районной организации РОИА.

Особое мое восхищение и удивление вызвало дело №788 из ф.5881 ГАРФ, «Дневники и записные книжки Отрешко В. «Лемнос 1920-1921 гг.», и внизу пояснение «Отрешко Владимир юнкер Кубанского военного училища им. ген. Алексеева, белоэмигрант». Радость и восхищение от того, что, во-первых – нигде в литературе не попадалась фамилия автора этого дневника, он не был известен исследователям; во-вторых, тема Екатеринодарского военного училища – бывшей школы

прапорщиков, и в-третьих, судьба белоэмигрантов интересовала меня. Так как ранее в ГАКК были найдены «Именные списки вернувшихся из-за границы врангелевцев станиц Приморско-Ахтарской и Ольгинской, Бородинской, Бриньковской». Интересна была их судьба. В списках ст. Ольгинской нашел фамилию и имя отца своего учителя истории Кожан Григория Яковлевича (1923 г.р.), который рассказывал о том, что вырос без родителей, так как они погибли во время коллективизации и голода 1933 года. Думаю, что родителям Григория Яковлевича помогли умереть, в первую очередь, как белоэмигранту. Рассказать об этом нам, ученикам, в 50-60 годах прошлого столетия он не мог. Царство им всем Небесное, как и всем казакам – жертвам репрессий.

С волнением держал в руках копию дневника юнкера, и, придя в номер гостиницы, сразу же начал его читать и делать выписки. А потом кадры документов из Гуверовского Архива. Удивлению моему не было предела! В документах Гуверовского Архива оказался Приговор Приморско-Ахтарского ревтрибунала марта 1918 года, с решением расстрелять за неприятия новой власти большевиков.

Два года назад, на конференции краевого общества историков-архивистов услышал выступление Немченко Сергея Гурьевича о его поездке на остров Лемнос. Подошел и пообещал поделиться своей находкой из ГАРФ, что и сделал ровно через год, на очередной конференции нашего краевого общества в Краснодаре.

Искренне рад, что дневник юнкера Владимира Отрешко будет впервые опубликован на страницах известного на Кубани сборника Отрадненских историко-краеведческих чтений, в Казачьем архиве. Особенно приятно то, что это будет в год столетнего юбилея образования Кубанского генерала М.В. Алексеева военного училища (декабрь 2018 года).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Андреев А.О.

К 100-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ КУБАНСКОГО ГЕНЕРАЛА М.В. АЛЕКСЕЕВА ВОЕННОГО УЧИЛИЩА В ДЕКАБРЕ 1918 ГОДА В Г. ЕКАТЕРИНОДАРЕ

История созданного решением Чрезвычайной Кубанской краевой Рады от 5 декабря 1918 года Алексеевского военного училища, готовившего офицерские кадры для Добровольческой и Кубанской армий в г. Екатеринодаре, Крыму и в эмиграции, началась тремя годами раньше, с Екатеринодарской школы прапорщиков.

Создание школ прапорщиков в России было обусловлено нехваткой младшего офицерского состава при массовой мобилизации и необходимостью восполнения больших потерь офицерского состава на фронтах Первой мировой войны 1914-1918 годов. С первых месяцев войны стали открываться краткосрочные военно-учебные заведения по подготовке офицеров военного времени – прапорщиков. К концу 1914 года уже насчитывалось 11 таких школ с 3-х – 4-х месячным сроком обучения, всего же, до 10 мая 1917 года, была открыта 41 школа прапорщиков, не считая временных школ прапорщиков (для подготовки одного выпуска) при 10 кадетских корпусах.

Школы прапорщиков готовили, в основном, офицеров пехоты, но были и специализированные, такие как Петроградская инженерная и Екатеринодарская казачья. Всего к середине 1917 года школы прапорщиков выпустили 108970 офицеров для действующей армии [1].

Екатеринодарская школа прапорщиков казачьих войск была образована приказом по военному ведомству № 689 от 24 декабря 1915 года. В основе данного приказа лежало Высочайше утвержденное 17 декабря 1915 года временное Положение о Екатеринодарской школе прапорщиков казачьих войск. Начальник вновь образованной школы прапорщиков полковник М.И. Кwartовкин был назначен телеграфным приказом начальника штаба Кавказского военного округа по

Кавказским казачьим войскам от 5 января 1916 года № 501 и вступил в должность, согласно приказа по Екатеринодарской школе прапорщиков казачьих войск от 13 января 1916 года № 1 [2].

Школа действовала на основании «Временного положения об Екатеринодарской школе подготовки прапорщиков казачьих войск», утвержденного 17 декабря 1915 года и объявленного в приказе по военному ведомству № 689 с изменениями, внесенными в него приказом по военному ведомству № 82 от 13 февраля 1916 года [3].

Школа предназначалась для подготовки прапорщиков казачьих войск и находилась в подчинении наказного атамана Кубанского казачьего войска. Непосредственное руководство осуществлял начальник школы на правах командира полка. Школа состояла из двух сотен: пешей и конной, которыми командовали командиры сотен – пешей на правах командира батальона, конной на правах помощника командира полка в кавалерии [4].

Согласно штатному расписанию ряд должностей, начиная с начальника школы, составлял так называемую «вилку», т.е. должность мог занимать офицер или чиновник на один чин выше, чем по штатному расписанию. В этом случае основной оклад жалования ему выплачивался выше – «по чину». Денежное довольствие офицеров и чиновников предусматривало, кроме оклада, выплату столовых денег, причём и оклад, и столовые могли выплачиваться как в «обычном», так и в «усиленном» варианте, которые устанавливались каждому офицеру или чиновнику приказом начальника училища. Штат школы представлял следующую структуру по должностям [5]:

- начальник школы: полковник – генерал майор;
- заведующий хозяйством школы: чиновник VIII класса (коллежский асессор);
- делопроизводитель, он же казначей: чиновник или офицер IX класса (титулярный советник или подъесаул);
- медицинский врач: чиновник IX класса (титулярный советник);
- ветеринарный врач: чиновник IX класса (титулярный советник);
- командиры пешей и конной сотен (2 чел): есаул – войсковой старшина (или подполковник);

- курсовые офицеры пешей и конной сотен (7 чел): обер-офицеры (до подъесаула включительно);

- кроме того, штатное расписание предусматривало унтер-офицерские и рядовые должности: медицинские фельдшеры старший и младший, старший ветеринарный фельдшер, один писарь высшего оклада, 4 писаря низшего оклада, 2 горниста, 3 трубача и 80 человек казаков и приказных из числа признанных годными для службы в тылу. Унтер-офицеры и нижние чины из обслуживающего персонала при добросовестном исполнении обязанностей и по итогам выпусков юнкеров награждались начальником школы деньгами и представлялись командующему округом для производства в чины от приказного до фельдфебеля и к наградам. Так за 1916 год, 9 человек из обслуживающего персонала школы были награждены серебряной медалью «За усердие», часть на Анненской, часть на Станиславской ленте [6].

Офицерам и чиновникам школы приказом начальника школы выдавалось единовременное пособие в 100 руб. при назначении на должность, а также могли быть выдаваемы наградные к праздникам.

В январе 1917 года была введена должность адъютанта школы (обер-офицер), на которого также возлагалась обязанность ведения дел по строевой части [7].

Курс в Екатеринодарской школе прапорщиков первоначально был установлен трёхмесячный, но мог быть продлён военным министром до одного года. Все обучающиеся именовались юнкерами, и сохраняли форму обмундирования своей части, и продолжали числиться на службе в тех частях, из которых были направлены в школу. Погоны юнкера носили цветные, обшитые галунами: в пешей сотне жёлтым, в конной белым, а по наружному краю погона шел шнур, установленный для вольноопределяющихся. При приеме в школу юнкера распределялись сотенными командирами на взводы и полусотни, которыми командовали курсовые офицеры на правах сотенных командиров. Из наиболее достойных юнкеров выбирались сотенные: фельдфебель в пешей и вахмистр в конной сотнях, а также взводные урядники и командиры отделений [8].

После окончания курса школы комиссией производилась проверка знаний юнкеров (оценки выставлялись только удовлетворительно или неудовлетворительно). Успешно

выдержавшие экзамен производились в прапорщики и распределялись в воинские части на офицерские должности. Юнкера, признанные комиссией окончившими школу неудовлетворительно, в прапорщики не производились и возвращались в свои части с прежними чинами. За дурное поведение и неуспеваемость юнкера могли быть отчислены властью начальника школы и повторно в школу не принимались. Отчисление по собственному желанию не допускалось [9].

Январь – первая половина февраля 1916 года были посвящены подготовительному этапу, во время которого происходило комплектование школы офицерским и преподавательским составом, необходимым оборудованием, инвентарем, оружием, конским составом, укомплектование школы нижними чинами, прикомандированными из отделов Кубанского казачьего войска для обслуживания школы (всего 80 урядников, казаков, горнистов, писарей и т.д.), а также набор и зачисление юнкеров первого курса школы [10].

Приказом начальника школы от 15 февраля 1916 года № 14 был определен внутренний распорядок и начало занятий, а в приложении к данному приказу указаны все юнкера, зачисленные в Екатеринодарскую школу прапорщиков. Занятия в школе начались на следующий день, после молебна, в 12 часов дня [11].

Большинство школ прапорщиков комплектовались лицами с высшим, средним образованием, гражданскими чиновниками призывного возраста, студентами и вообще любыми гражданскими лицами имевшими образование хотя бы в объёме вышеначального училища и годными по физическому состоянию к военной службе, а также отличившимися на фронте унтер-офицерами всех сословий: от крестьян до дворянства.

Спецификой юнкерского состава Екатеринодарской школы прапорщиков являлось то, что все юнкера принадлежали к войсковому сословию различных казачьих войск России. Все прошли фронт и имели боевой опыт. Многие имели высшие унтер-офицерские звания: вахмистр, фельдфебель, подхорунжий, зауряд-хорунжий и боевые награды, в том числе Георгиевские кресты, а некоторые, как например подхорунжий 5-го Кубанского пластунского батальона Кондрат Кадькало, были полными Георгиевскими кавалерами [12].

В первый состав школы было зачислено 202 юнкера, в том числе в конную сотню 82 человека из Кубанского, Терского, Донского, Оренбургского, Уральского, Забайкальского и Семиреченского казачьих войск и в пешую сотню 120 человек из Кубанского, Терского и Донского войск.

В школе юнкерам преподавались следующие дисциплины: стрелковое дело, тактика, артиллерия, окопное дело, пулеметное дело, топография, служба связи, законоведение и административное право, уставы, строевая и полевая подготовка.

В строевую и полевую подготовку конной сотни, в частности, входили: занятия по фехтованию, сигнализации, конное учение с условным противником, хождение в сквозные атаки и лавой, конные учения совместно с пешей сотней, разведка местности, решение тактических задач в поле.

В строевую подготовку пешей сотни входили: показная и перспективная съёмка на местности, разведка партиями, гимнастика на снарядах, вольные упражнения, бег, вытягивание, сторожевая служба, фехтование на ружьях, колка чула кинжалом и другие предметы [13].

Распорядок дня в школе был следующим:

- в 6 утра подъём подававшийся трубачом или горнистом;
- с 6 до 7 утра время для приведения себя в порядок, осмотра и утренней молитвы;
- в 7 часов утренний чай;
- с 8 утра и до 12 дня классные занятия по расписанию;
- в 12 часов завтрак;
- с 12.30 до 16.30 строевые занятия по расписанию;
- в 16.30 обед;
- с 17 до 18.30 личное время обучающихся;
- с 18.30 до 20.00 приготовление заданий и прочитанных лекций к следующему дню;
- в 20.00 вечерний чай;
- в 20.30 вечерняя повестка и перекличка;
- в 21.00 вечерняя зоря и отбой.

Занятия в школе, согласно уставу и инструкции, не производились: по воскресным дням, с 1-го по 6-е января, 25 марта, в пятницу и субботу на Страстной неделе, первые два дня Пасхи, 6 мая, 6 декабря и первые два дня Рождества Христова. В эти дни или накануне юнкера могли получать увольнения в город, но не более, чем до 10 часов вечера. Принимать

посетителей юнкера могли только в личное время и в помещении, указанном дежурным офицером. Играть в карты, а также проносить и употреблять спиртные напитки в помещении школы воспрещалось, нарушившие подвергались наказанию вплоть до отчисления из школы.

Строгие правила поведения предъявлялись и к офицерско-преподавательскому составу школы: строгое соблюдение формы одежды, при проведении товарищеских обедов или посещения различных увеселительных заведений всегда и везде держать себя прилично, ни в коем случае не подвергаясь замечанию коменданта гарнизона или его адъютанта, удержание товарищей от недостойных поступков. Всем без исключения офицерам воспрещалось посещать частные клубы и собрания, где происходила азартная игра, рестораны и гостиницы низших разрядов, все вообще трактиры, чайные, кухмистерские и другие подобные учреждения, а также буфеты 3-го класса на железнодорожных вокзалах.

Время обучения первого набранного курса школы, для получения будущими офицерами более основательной подготовки, было продлено с трёх до шести месяцев. Первый выпуск Екатеринодарской школы прапорщиков казачьих войск состоялся 6 августа 1916 года. Всего из 202 юнкеров первого набора было выпущено в полки офицерами 183 человека, в том числе: в Кубанское казачье войско 138, в Донское казачье войско 19, в Терское казачье войско 15, в Оренбургское казачье войско 4, в Уральское казачье войско 2, в Забайкальское казачье войско 2, в Семиреченское казачье войско 1 человек. Курс школы окончили также 2 горца, обучавшиеся в конной сотне на собственном иждивении, произведенные в прапорщики и направленные в Черкесский и Екатеринодарский запасной конные полки [14].

Состав юнкеров второго курса школы был примерно таким же как и первый выпуск, большинство также было из Кубанского казачьего войска. Несколько расширилась география казачьих войск. Во втором наборе появились представители Астраханского, Амурского, Сибирского и Уссурийского войск. Увеличился возраст юнкеров: появились представители старших возрастов, как, например, подхорунжий Стефан Писаренко 37 лет или фельдфебель Кир Бублик 38 лет, воевавший ещё в русско-японскую войну 1904-1905 годов [15].

Приказом по военному ведомству от 25 ноября 1916 года № 656 было определено, что Георгиевские кавалеры и сыновья Георгиевских кавалеров принимались во все военные училища, в том числе и школы прапорщиков вне конкурса «с прочими лицами, одинакового с ними образования» [16].

Необходимо отметить, что к подбору руководства школы и курсовых офицеров, командование Кубанским военным округом и начальник Кубанской области подходили ответственно, выбирая грамотных опытных офицеров, в большинстве своём прошедших фронт и имевших значительный боевой опыт:

Начальник Екатеринодарской школы прапорщиков Михаил Игнатьевич Кwartовкин, происходивший из потомственных дворян Смоленской губернии, родился 29 октября 1860 года. По социальному положению принадлежал к обедневшему служилому дворянству (ни за ним, ни за родителями, ни за женой никакого недвижимого, родового или благоприобретенного имущества не значилось). Образование получил во Владикавказской военной прогимназии и Тифлисском пехотном юнкерском училище. Службу проходил на различных офицерских должностях на Кавказе и в Закавказье, преимущественно в Кубанских пластунских батальонах. 5 марта 1911 года был произведен в полковники. В 1914-1915 годах отличился на Турецком фронте у Кара-Кииссы, Пасанеры, при взятии высот у сел Кирых и Чиджарек, а также во время известных боёв под Саракамышем, где был тяжело ранен. За отличия в боях был награжден Георгиевским оружием и орденом Св. Анны 2-й ст. с мечами (ранее был также награжден орденами Св. Владимира 4 ст. с бантом, Св. Станислава 2-й и 3-й ст. и Св. Анны 3 ст.). После полугодового излечения в госпитале и получения инвалидности по 2-му классу Александровского комитета о раненых, был зачислен в резерв командующего Кубанским военным округом, где и находился до своего назначения начальником школы прапорщиков [17].

Командир конной сотни школы Евдоким Иванович Ермоленко, из кубанских казаков, родился 29 июля 1874 года, образование получил в Кубанской учительской семинарии (курса не окончил) и Ставропольском казачьем юнкерском училище. Служил в 1-м, 2-м Черноморских и 1-м Екатеринодарском полках. В 1914-1915 годах отличился на

австро-венгерском фронте, был трижды ранен и контужен но остался в строю, награжден Георгиевским оружием, орденом Св. Анны 3 ст. В 1914 году произведен в есаулы. В школу, с момента её формирования, был направлен наказным атаманом М.П. Бабычем. К сентябрю 1916 года за успехи в подготовке юнкеров был произведен в войсковые старшины, т.е. на чин выше положенного по штату. В 1918-1919 годах несколько месяцев исполнял обязанности начальника школы [18].

Командир пешей сотни Василий Кузьмич Венков, из дворян Ставропольской губернии, родился 2 февраля 1872 года в Кубанской области. Общее образование получил «при доме родителей», военное в Ставропольском казачьем юнкерском училище. Служил в 1-м и 2-м Лабинских полках, в том числе несколько лет с 1906 года начальником учебной команды. После приобретения боевого опыта на фронте назначен на должность есаула командиром пешей сотни школы прапорщиков, как и Е.И. Ермоленко, был произведен в войсковые старшины на чин выше штатного. Командовал пешей сотней юнкеров до 27 февраля 1917 года, после чего выбыл на фронт, сдав сотню подъесаулу Белявскому [19].

Курсовой офицер конной сотни, есаул Александр Григорьевич Мудрый 1878 г.р. Участник русско-японской войны и 19 месяцев без перерыва командовавший сотней на германском фронте. Кавалер орденов: Св. Анны 4 ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны 3-й и 2-й степени с мечами и бантом, Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом и Св. Станислава 2 ст. с мечами [20].

Курсовыми офицерами также служили фронтовики, окончившие уже во время войны школы прапорщиков: сотник В.В. Яновский, окончивший школу прапорщиков при Александровском училище в 1915 году, полный георгиевский кавалер прапорщик К. Кадькало, из первого выпуска Екатеринодарской школы прапорщиков, и ряд других, приходивших на замену выбывшим и ушедшим на фронт офицерам [21].

О событиях конца февраля 1917 года в Петрограде, отречении императора, создании Временного правительства и о предстоящем созыве Учредительного Собрания полковник М.И. Кwartовкин известил личный состав школы в своём приказе от 6 марта 1917 г. № 66, при этом указав, что все должны оставаться «...в повиновении своим законным начальникам, беречь Родину от грозного врага и своими под-

вигами поддержать союзников в беспримерной борьбе». На следующий день, приказом по школе № 67, до личного состава был доведен приказ Военного министра Временного правительства А.И. Гучкова об исполнении всеми чинами своих обязанностей в полном объёме и «без всякого нарушения порядка в делопроизводстве».

10 марта 1917 года, весь личный состав школы участвовал около войскового Александро-Невского собора в торжественном молебне в честь «перехода к новому Государственному строю» и параде войск Екатеринодарского гарнизона, которым командовал полковник М.И. Кwartовкин [22].

25 марта 1917 года состоялся второй выпуск Екатеринодарской школы прапорщиков казачьих войск. Всего было выпущено офицерами в войска 186 человек, в том числе 80 из конной и 106 из пешей сотен. Все вновь произведенные офицеры были вооружены шашками и пистолетами системы «Браунинг», каждому в виде подъёмных единовременно было выплачено четырехмесячное пособие, а также суммы на приобретение лошадей, седел и вьюков. Более 3-х недель второй выпуск школы, до отправки по частям, находился ещё в Екатеринодаре, так как полагавшиеся противогазы в количестве 186 штук, были розданы бывшим юнкерам только 17 апреля 1917 года [23].

Третий курс Екатеринодарской школы прапорщиков казачьих войск был зачислен приказом по школе от 24 апреля 1917 года № 114 в количестве 200 человек, в том числе 80 юнкеров по конной и 120 юнкеров по пешей сотне. Выпуск третьего курса состоялся 1 октября 1917 года (приказ по школе от 3 октября 1917 г. №276). Всего было выпущено офицерами 180 человек и после 19 октября направлены на фронт и в запасные части [24].

В конце октября 1917 года состоялся набор четвёртого курса школы в количестве 201 человека, приступившего к занятиям приказом по школе № 298 с 25 октября 1917 года [25].

После Октябрьского переворота 1917 года в Петрограде командование и личный состав школы не признали большевистской власти и остались верны присяге, оставшись в подчинении войскового атамана А.П. Филимонова и войскового правительства (правда, небольшая часть юнкеров, самовольно покинули школу, на открывшиеся вакансии приказом войскового атамана было зачислено 10 новых казаков).

1 ноября 1917 года, в 6 часов утра, юнкера Екатеринодарской школы прапорщиков разоружили вернувшийся с фронта и распропагандированный большевиками Кавказский запасный артиллерийский дивизион, а на следующий день вместе с казаками и отрядом «дикий» дивизии участвовали в разгоне организованного большевиками митинга рабочих и солдат разоруженного артдивизиона, применив оружие, после чего волнения в городе прекратились. Совместно с казаками, юнкера приступили к несению охраны конторы Государственного банка, Государственного казначейства, почты, и других важных объектов. Через две недели к ним присоединились юнкера эвакуированных из Киева Константиновского военного училища и Киевской школы прапорщиков. В школе ежедневным приказом назначались 30 юнкеров и офицер, в постоянной готовности с оружием, которые в случае надобности прекращали занятия и выполняли поставленные задачи в г. Екатеринодаре или за его пределами [26].

В связи с продолжавшимися революционными событиями и постепенным установлением Советской власти на большей части Кубанской области ряд юнкеров, и значительная часть нижних чинов из обслуживающего персонала, стали покидать школу (часть оформлялись приказами по школе как уход на льготу, часть уходили самовольно). Для восполнения сокращающегося обслуживающего персонала школы, с середины декабря 1917 года, привлекались для хозяйственных работ от 6 до 20 человек в день, австро-венгерские военнопленные.

Со 2 января 1918 года часть патриотически настроенных юнкеров, расположенных в городе училищ, в том числе и Екатеринодарской школы прапорщиков, стали вступать в 1-й Кубанский добровольческий отряд В.Л. Покровского, ставшего костяком вооруженных сил краевого правительства. 15 января 1918 г. юнкера участвовали в организованной краевым правительством демонстрации в поддержку Учредительного собрания [27].

Приказом по школе от 16 января 1918 года № 16, на основании предписания начальника военно-учебными заведениями Кубанской области от 15.01.1918 г. № 49, полковник М.И. Кwartовкин передал дела новому начальнику Екатеринодарской школы прапорщиков казачьих войск генерального штаба полковнику Константину Дмитриевичу Кузнецову [28].

В начале февраля 1918 года в краевом правительстве впервые начал обсуждаться вопрос о преобразовании Екатеринодарской школы прапорщиков в военное училище. Заседание по этому вопросу состоялось 14 февраля. Член краевого правительства по военным делам полковник Успенский предложил предоставить здание мужской учительской семинарии, для покупки которого выделить 100 тыс. рублей. В рапорте начальника школы полковника К.Д. Кузнецова предлагалось предоставить принадлежащее войску здание женского Епархиального училища, а 100 тыс. употребить для переустройства здания, постройки конюшен и сараев и к 1 сентября приступить к занятиям. Заседание склонилось в пользу проекта начальника школы, но 18 февраля Успенский наложил резолюцию о нежелательности данного решения и необходимости его дальнейшего обсуждения [29].

Дальнейшее развитие политических событий отодвинуло вопрос о преобразовании школы в училище. В 20-х числах февраля 1918 года стало очевидным, что краевое правительство не сможет сдержать наступление красногвардейских отрядов и удержать Екатеринодар. В срочном порядке на основании распоряжения краевого правительства приказом по Кубанскому казачьему войску от 25 февраля 1918 года № 56 все оставшиеся в школе юнкера (около 140 человек) были произведены в прапорщики. Вечером 28 февраля 1918 года вместе с войсками и беженцами Екатеринодарская школа прапорщиков оставила город [30].

14 марта 1918 года кубанские части соединились с войсками Добровольческой армии. Большая часть офицеров, и произведенных в прапорщики 25 февраля бывших юнкеров, вошла в 1-й Офицерский конный полк, с которым проделала весь второй Кубанский поход до освобождения Екатеринодара 16 августа 1918 года. Полк участвовал во всех кровопролитных боях, в том числе в знаменитой конной атаке под Екатеринодаром, когда только во 2-й офицерской сотне полковника Г.А. Рашпиля потери составили 32 офицера. Бывший начальник училища полковник К.Д. Кузнецов ещё 23 марта 1918 года с небольшим отрядом в 100 сабель и батареей есаула А.К. Корсуна попал в окружение у с. Божьи Воды. Почти весь отряд был уничтожен, а полковник К.Д. Кузнецов взят в плен и впоследствии расстрелян в г. Туапсе [31].

Чрезвычайная Кубанская краевая рада на своём заседании от 5 декабря 1918 года постановила открыть Кубанское военное училище на базе Екатеринодарской школы прапорщиков. Исполняющим должность начальника был назначен полковник Е.И. Ермоленко, представивший рапорт с предложениями по преобразованию школы в военное училище, на который 31 января 1918 года было составлено положительное заключение комиссии под председательством Генерального штаба генерал-майора Ф.И. Королькова. Начиная с 3 января 1919 года, приказы с №1 идут уже не по Екатеринодарской школе прапорщиков казачьих войск, а по Кубанскому военному училищу. Приказом по Кубанскому казачьему войску от 16 января 1919 года №28 начальником училища был назначен Генерального штаба генерал-майор Ф.И. Корольков приступивший к исполнению своих служебных обязанностей с 7 февраля (приказ по училищу №15). Организационный период завершился к середине мая и с 16 мая 1919 года начались занятия юнкеров. Приказом по Кубанскому казачьему войску от 11 октября 1919 года № 1124 училищу было присвоено имя одного из организаторов и руководителей Добровольческой армии генерала М.В. Алексева, и оно официально стало называться «Кубанское генерала М.В. Алексева военное училище» [32].

Штат Кубанского военного училища окончательно был утвержден по докладу генерал-майора Ф.И. Королькова Советом Кубанского краевого правительства от 28 июня 1919 года и приказом войскового атамана по Кубанскому казачьему войску от 18 июля 1919 года № 872 (считать эти штаты действующими с 16 января 1919). Училище с двухгодичным сроком обучения с пехотным, кавалерийским, артиллерийским и инженерным отделениями было рассчитано на 320 (впоследствии на 370 юнкеров) [33]. Его структура была следующей:

- Начальник училища: генерал-майор или генерал-лейтенант Генерального штаба с правами и окладом начальника дивизии;

Учебно-строевая часть

- помощник начальника училища, он же инспектор классов: полковник – генерал-майор Генерального штаба с правами и окладом командира бригады;

- командир дивизиона юнкеров: полковник или генерал-майор с окладом командира полка;
- командиры учебных сотен и батареи (4 чел): штаб-офицеры с правами и окладом командиров батальонов (по артиллерии – отдельной батареи);
- младшие (курсовые) офицеры (24 чел., в том числе 8 конной сотни, 6 пеших, 4 инструктора артиллериста, 2 инструктора пулеметного дела и 4 техника-сапёра): с правами и окладами командиров отдельных сотен;
- адъютант училища: штаб-офицер или обер-офицер;
- помощник старшего адъютанта: обер-офицер;
- помощник инспектора классов: штаб-офицер по окладу командира отдельного батальона;
- преподаватели военные (офицеры генштаба 5 чел.): штаб-офицеры по окладу командира отдельного батальона;
- преподаватели штатские (8чел.): по окладу, как и преподаватели военные;
- инструктор гимнастики и инструктор фехтования: обер-офицеры по окладу командира отдельной сотни;
- помощники инструктора гимнастики и инструктора фехтования: обер-офицеры по окладу младших офицеров;

Хозяйственная часть

- интендант училища и учебных частей: штаб-офицер по окладу дивизионного интенданта;
- заведующий хозяйством училища: штаб-офицер по окладу помощника командира полка;
- квартирмейстер училища: обер, или штаб-офицер;

Духовные и гражданские чины

- священник, секретарь (он же делопроизводитель учебной части), библиотекарь, 2 секретаря хозяйственной части (они же делопроизводители интенданта и бухгалтерии), казначей, оружейный мастер, артиллерийский техник, оружейный техник-монтер, лаборант, эконо́м, старший врач, младший врач, зубной врач и старший ветеринарный врач: чиновники от IX до VII класса;

Унтер-офицерские и нижние чины

- фельдшеры 9 человек, в том числе: старший аптечный, старший и 4 младших медицинских, старший и 2 младших ветеринарных;
- писаря 13 человек, в том числе: 4 высшего оклада, 4 среднего и 5 низшего оклада;

- строевых казаков 119 в том числе: подхорунжий команды, каптенармус, старших урядников 8, младших урядников 15, трубачей и горнистов 6, кузнецов 4 и т.д.;

- нестроевая команда казаков 80 человек, в том числе: подхорунжий команды, каптенармус и его помощник, оружейный мастер, портных 4, сапожников 5, слесарей 2, плотников 2, столяров 2, шорников и седельников 3, ездовых обозных 15, шоферов 2, помощников шоферов 2, прислуги на кухне и для уборки помещений 38.

Впоследствии, общее число строевых и нестроевых казаков было увеличено до 221 человека.

По окончании двухгодичного курса юнкера, успешно выдержавшие экзамены, производились в чин подпоручика (корнета, хорунжего). Приказом Главнокомандующего вооруженными силами на Юге России от 16 августа 1919 года № 1870 чин прапорщика был упразднен и все офицеры, имевшие этот чин, были переименованы в подпоручики, корнеты или хорунжие (со старшинством ниже всех подпоручиков их части) [34].

Кубанское генерала М.В.Алексеева военное училище 4 марта 1920 года выступило в поход в составе Кубанской армии, дошло до г. Адлера и, не желая сдаваться войскам Красной Армии, училище в полном составе погрузилось на транспорт «Бештау» и эвакуировалось в Крым. За отличие в боях с большевиками училище было награждено приказом генерала П.В. Врангеля от 11 марта 1920 года № 91 серебряными трубами с лентами ордена Святителя Николая Чудотворца [35].

18 июля-28 августа училище в полном составе (23 офицера, 3 чиновника, 2 врача, 307 юнкеров и 47 казаков) принимало участие в десанте на Кубань. Потери за время боёв составили: 2 офицера, 1 врач, 27 юнкеров и 1 казак, ранено было 4 офицера и 52 юнкера. После неудавшегося десанта училище снова было возвращено в Крым. 113 человек было награждено Георгиевскими крестами, 5 офицеров за боевые отличия были произведены в следующие чины [36].

8 мая 1920 года начальником училища был назначен генерального штаба генерал-майор А.Д. Болтунов. 29 сентября-29 октября 1920 года училище приняло участие в походе против «зелёных», а 30 октября было погружено на транспорт «Дон» и 12 ноября 1920 года прибыло на остров Лемнос [37].

На Лемносе были организованы систематические занятия со стрельбами и верховой ездой. По просьбе французских военных властей на училище была возложена охрана греческих селений. 21 февраля 1921 года начальником училища был назначен генерал-майор О.И. Лебедев[38].

30 августа 1921 году училище на транспорте № 412 эвакуировано в Болгарию, куда прибыло 5 сентября и было расквартировано в казармах города Тырново-Сеймен. Здесь оно произвело два полноценных выпуска офицеров, из которых последний состоялся 1 сентября 1922 года. После последнего выпуска чины училища для обеспечения своего существования перешли на различные работы. После преобразования армии в Российский общевойсковой союз (РОВС) училище представляло собой официально (несмотря на распыление офицеров по разным странам) кадрированную часть в составе Кубанской казачьей дивизии. Офицеры последних выпусков были оставлены прикомандированными к училищу[39].

Ещё до революции приказом по военному ведомству от 12 февраля 1917 года № 92 был утвержден знак Екатеринодарской школы прапорщиков: серебряный матовый равноконечный крест с полированным ободком на скрещенных золотых мечах рукоятями вниз, в центре которого оксидированный двуглавый орел с распростертыми крыльями и щитком зелёной эмали с золотым ободком и буквами «ЕКШ». Приказом по военному ведомству от 5 сентября 1917 года № 592 был утвержден другой знак: оксидированный Кавказский крест с золотым ободком, лежащий на скрещенных золотых мечах, а в центре на красном медальоне двуглавый орел Временного правительства без корон. Окончательно знак Кубанского ген. М.В.Алексеева военного училища был учрежден уже в эмиграции в 1924 году и представлял из себя щит с чёрной серединой и белой широкой каймой, на которой по диагонали наложен меч белого металла с рукоятью вниз. В центре щита находилась золотая литера «А» славянской вязью – вензель шефа, генерала Алексеева. Знак символизировал рыцарский порыв юнкеров защищать Родину в годину тяжких испытаний [40].

По состоянию на 1930 год отдельные группы училища располагались:

- Франция: начальник училища генерал-майор Лебедев, и.о. адъютанта училища войсковой старшина Зродловский

и командир дивизиона его брат полковник Зродловский, командир конной сотни полковник Деревлёв, командир полубатарей полковник Пруденский, командир Екатеринодарской сотни полковник Корсун и его помощник полковник Кравченко, командир офицерской резервной сотни войсковой старшина Дубина – все в Париже или близ него, а также группа в г. Лиона-старший группы полковник Пастернаков;

- Болгария: начальник группы адъютант училища полковник Милашевич в г. Тырново и священник училища протоиерей Дмитрий Трухманов, преподававший в русской гимназии в г. Шумен;

- Чехословакия: старший группы хорунжий Романовский в г. Брно;

- Германия: старший группы сотник Абрамов[41].

В 1931 году все группы формально оформились в «Объединение Кубанского генерала М.В.Алексеева военного училища». Офицеры и казаки продолжали жить «воинским укладом жизни, поддерживая постоянно связь друг с другом, начальниками групп и одиночно работающими вблизи чинами, отмечая праздники и другие события общими собраниями». Наиболее крупной была группа училища во Франции, возглавляемая О.И. Лебедевым, которая с 1926 года выпускала информационные осведомления о судьбе членов объединения (с перерывами, по меньшей мере, до 1965 года) [42].

В годы Второй мировой войны «алексеевцы», как и вся русская эмиграция, оказались по обе линии фронта, однако, большая их часть пошли служить в казачьи части германского вермахта, где сражались против своей Родины (в том числе на Кубани под Новороссийском) и против партизан в странах, оккупированных нацистами. После войны многие из них отбывали срок в местах заключения в СССР и Болгарии. В то же время, некоторые бывшие юнкера пошли в Движение Сопротивления и офицерами во французскую армию, где сражались с германским фашизмом, другие в вооруженной борьбе не участвовали, но укрывали евреев и лиц, преследовавшихся гестапо (некоторые за это поплатились жизнью) [43].

Начальником училища и председателем его объединения с момента назначения в 1921 году и до своей смерти продолжал оставаться генерал-майор Олег Иванович Лебедев (11.01.1893 – 15.11.1973). Происходил из казаков

станции Роговской, сын генерал-майора Лебедева – второго помощника наказного атамана и начальника области. Закончил Воронежский кадетский корпус и Николаевское кавалерийское училище в 1912 году. Участник Первой Мировой и Гражданской войн. В эмиграции, одновременно с должностью по училищу, в 1920-е – 1940-м году был директором кадетского корпуса им. Николая II в Версале. После 1945 года жил в г. Нью-Йорке США, где был вице-председателем Союза Георгиевских кавалеров, командиром гарнизона №297 Союза армии и флота США. Похоронен 17 ноября 1973 года на кладбище Успенского женского монастыря в Ново-Дивееве, Спринг-Велли, штат Нью-Йорк, США[44]. К моменту его смерти большая часть бывших юнкеров и офицеров училища ушла из жизни и с его кончиной история Объединения Кубанского генерала М.В.Алексеева военного училища фактически завершилась.

Примечания:

1. С.В.Волков. Русский офицерский корпус. Глава III. Подготовка и обучение. www.genrogge.ru
2. ГАКК. Ф. 434. Оп.1. Д. 1.Л. 1; Приказы по Кубанскому казачьему войску № 936 от 24 декабря 1915 года и № 34 от 13 января 1916 года
3. ГАКК.Ф. 434. Оп.1. Д. 12.Л. 213-216
4. ГАКК.Ф. 434. Оп.1. Д. 10
5. ГАКК. Ф. 434. Оп.1. Д.12.Л. 217-218
6. ГАКК. Ф. 434. Оп.1. Д. 14.Л.354-361
7. ГАКК. Ф. 434. Оп.1. Д. 27.Л.5,17,107
8. ГАКК. Ф. 434. Оп.1. Д. 1,10
9. ГАКК. Ф. 434. Оп.1. Д.10
10. ГАКК.Ф. 434. Оп.1. Д.1
11. ГАКК. Ф. 434. Оп.1. Д.1. Л. 17-21
12. ГАКК. Ф. 434. Оп.1. Д. 1, 12; С.В.Волков. Русский офицерский корпус. Глава III. Подготовка и обучение. www.genrogge.ru
13. ГАКК. Ф. 434. Оп.1. Д.1, 10; Д.15.Л. 180-189
14. ГАКК. Ф. 434. Оп.1. Д.12.Л.49-88
15. ГАКК. Ф. 434. Оп.1. Д.12. Л. 98-137
16. ГАКК. Ф. 434. Оп.1. Д. 27 Л. 119

17. ГАКК. Ф. 434.Оп.1. Д. 18. Л. 278-278об, 403-403об; Ф. 396.Оп.2. Д.968. Л. 254-259; 269-273
18. ГАКК. Ф. 434. Оп.1. Д. 1. Л.1,6; Д.18. Л. 4-5, 171-171 об; Д. 27. Л.2; Ф. 396. Оп.2. Д.951. Л.4об
19. ГАКК. Ф. 434. Оп.1. Д. 18. Д.27. Л. 117; Ф. 396. Оп.2. Д.753.Л.80-81; Д.844. Л.33-34
20. ГАКК. Ф. 434. Оп.1. Д.18. Л. 406, 427-428,472; Ф. 396. Оп.2. Д.891. Л. 21об-22
21. ГАКК. Ф. 434. Оп.1. Д.18. Л.179-179 об, 215-215 об, 637; Д.27
22. ГАКК. Ф. 434. Оп.1. Д.27.Л.133-140
23. ГАКК. Ф. 434. Оп.1. Д.27.Л.181-185, 225
24. ГАКК. Ф. 434. Оп.1. Д.27. Л. 240-245, 579-582, 607-608; Д.36. Л.613-615, 638-652
25. ГАКК. Ф. 434. Оп.1. Д.27. Л. 615, 619- 622; Д.36. Л.656-657
26. ГАКК. Ф. 434. Оп.1. Д.27. Л. 651, 660-662, 666; Д.39; Екатеринодар-Краснодар. Материалы к летописи. Краснодар.1993. С. 397-399,
27. ГАКК. Ф. 434. Оп.1. Д.38; Екатеринодар-Краснодар. Материалы к летописи. Краснодар.1993.С. 403-405
28. ГАКК. Ф. 434. Оп.1. Д.27. Л. 764
29. ГАКК. Ф. 434. Оп.1. Д.49. Л. 1-3
30. ГАКК. Ф. 434. Оп.1. Д. 37, 49,50; Екатеринодар-Краснодар. Материалы к летописи. Краснодар.1993.С. 406-408
31. Хронос. Кубанское генерала Алексеева военное училище. Русское зарубежье.-<http://Russians/rin.ru>; С.В. Волков. Белое движение России.-www.swolkov.narod.ru; Там же. С.И. Волков. Трагедия белого офицерства.
32. ГАКК.Ф.Р-16. Оп.1. Д. 2; Д.9. Л.12-13,98, 270
33. ГАКК. Ф. 434. Оп.1. Д. 55, 56, 58; Ф.Р-16. Оп.1. Д. 2; Ф.Р-16. Оп.1. Д.11. Л.46-50; Библиотека кубанского края. Протоколы заседаний кубанского краевого правительства 1917-1920. Краснодар.2008. Пр.195.1
34. ГАКК. Ф.Р-16. Оп.1. Д. 9. Л.1
35. Екатеринодар-Краснодар. Материалы к летописи. Краснодар.1993.С. 441-442; Русские военно-учебные заведения на чужбине после исхода Белой армии из России. http://severskjkadet.ucoz.ru/Pag_kadet_unker/vuz_rossii.html; Хронос. Кубанское генерала Алексеева военное училище. Русское зарубежье.-<http://Russians/rin.ru>

36. Армия и Флот. Военный справочник. Издательство «Часовой». Париж, 1930. С.128-129

37. там же С.129

38. там же С.129

39. Русские военно-учебные заведения на чужбине после исхода Белой армии из России. http://severskjkadet.ucoz.ru/Pag_kadet_unker/vuz_rossii.html; Хронос. Кубанское генерала Алексеева военное училище. Русское зарубежье. -<http://Russians/rin.ru>; С.В. Волков. Белое движение России. -www.swolkov.narod.ru; Архив генерала В.Г.Науменко; Армия и Флот. Военный справочник. Издательство «Часовой». Париж, 1930. С. 130

40. Армия и Флот. Военный справочник. Издательство «Часовой». Париж, 1930. С.130

41. Армия и Флот. Военный справочник. Издательство «Часовой». Париж, 1930. С.130-131

42. ГАКК. Архивные документы, поступившие из США (в стадии обработки).

43. ГАКК. Архивные документы, поступившие из США (в стадии обработки).

44. Незабытые могилы. Российское зарубежье 1917-1999. Некрологи в шести томах. Составитель В.Н. Чуваков. Москва, 2004. Т.4. С.72-73

Сведения об авторе. Андреев Алексей Олегович – главный специалист ГКУ «Государственный архив Краснодарского края», Заслуженный работник государственной архивной службы Кубани (aleksey.an2011@yandex.ru)

Дюкарев А.В.

ЕКАТЕРИНОДАРСКАЯ ШКОЛА ПРАПОРЩИКОВ: ЛЮДИ И ПОСТУПКИ В ПЕРИОД СМУТНОГО ВРЕ- МЕНИ РЕВОЛЮЦИИ И НАЧАЛА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1917-1918 ГГ.

В рамках изучения проблематики Первой мировой войны, Революции 1917 года и последовавшей Гражданской войны, историки обозначили еще одно актуальное направление – это появление, эволюция и судьба военно-учебных заведений Российской империи.

Первая мировая война показала необходимость создания военно-учебных заведений с краткосрочной программой обучения для подготовки младшего офицерского состава, а именно прапорщиков. К 1917 году была открыта 41 школа прапорщиков, в результате чего действующая армия получила 108970 прапорщиков [1].

Одним из таких военно-учебных заведений, созданных в период военного времени, является Екатеринодарская школа прапорщиков, которая была образована приказом по Военному министерству № 689 в декабре 1915 года [2]. В отличие от большинства организованных школ прапорщиков, которые готовили офицеров пехоты, Екатеринодарская школа прапорщиков была специализированной, готовившей офицерские кадры для казачьих войск Российской империи.

Личный состав Екатеринодарской школы прапорщиков отличался тем, что юнкера, как справедливо отмечает А.О. Андреев [3], в основной своей массе находились в зрелом возрасте, имеющие боевой опыт на фронтах Первой мировой войны и награжденные Георгиевскими медалями и крестами. Анализ «Списка пешей сотни Екатеринодарской школы прапорщиков казачьих войск с отметкою женат, холост или вдов» и аналогичного документа конной сотни из первого набора 1916 года показывает, что в пешей сотне: женатых – 79, холостых – 31, вдовых – 2. В конной сотне: женатых – 67, холостых – 12, вдовых нет [4]. А возрастной разброс юнкеров составляет от 19 до 39 лет [5].

Многие из кандидатов, поступающих в Екатеринодарскую школу прапорщиков, пребывая в достаточно зрелом

Майдибор Федот Иванович, фельдфебель 5-й Кубанской запасной пластунской сотни, родился 1 февраля 1877 года в станице Калниболотской Кубанской области. Снимок сделан 21 февраля 1916 г. ГАКК. Ф. 434. Оп.1. Д. 13. Л. 8; Л. 10-11

возрасте, имея семью, награды и уважение сослуживцев и станичников, тем не менее, осознано стремились стать ее юнкерами. Майдибор Федот Иванович, фельдфебель 5-й Кубанской запасной пластунской сотни, родился 1 февраля 1877 года в станице Калниболотской Кубанской области, представив необходимый комплект документов, готовился стать юнкером весеннего набора 1916 года. Однако ему в этом не посчастливилось, так как в силу увеличения сроков обучения юнкеров предыдущего набора, весенний набор 1916 года, куда был зачислен Ф.И. Майдибор, был расформирован. Тем не менее, преисполненный желания получить младшее офицерское звание, 7 августа 1916 года он подает прошение о зачислении в следующий набор юнкеров: «Его Высокоблагородию Начальнику школы прапорщиков казачьих войск... Покорнейше прошу Ваше Высокоблагородие зачислить меня в школу в настоящий набор, так как я 15 мая сего года был зачислен в кандидаты и из-за продолжения курса новый набор был распушен... Покорнейше прошу не откажите, служил я действительную службу, участвовал в Японской войне, имею знак отличия военного ордена, кроме того был инструктором маршевой сотни и за это имею аттестацию командира 5-й запасной пешей сотни» [6].

Свои высокие морально-нравственные качества и служебные компетенции необходимо было подтвердить рекомендацией — для казаков, претендующих на поступление в Екатеринодарскую школу прапорщиков из действующей армии, это была аттестация непосредственного командира воинской части, а для казаков, находящихся на льготе (в запасе), необходимо было представить мнение станичного общества. Так, фельдфебель станицы Новомалороссийской Кавказского отдела Кубанской области Савва Григорьевич Острякин представил приговор станичного общества «о его поведении и нравственных качествах»: «1916 года мая 31 дня, Мы, нижеподписавшиеся, выборные и должностные лица, составляющие станичный сбор ... быв сего числа на своем станичном сборе в числе 57 человек, состоящих более двух третей из общего числа 79 человек всех выборных, имеющих право голоса на станичном сборе в присутствии станичного Атамана урядника Никиты Степановича Певнева, слушали читаемое нам заявление фельдфебеля нашей станицы Саввы Григорьевича Острякина, в

кчем он просит о выдаче ему приговора о его поведении и нравственных качествах. Выслушав означенное заявление и признавая просьбу Острякина заслуживающей уважения ПОСТАНОВИЛИ: выдать настоящий приговор просителю Острякину на руки и засвидетельствовать его поведение и нравственные качества как *хорошего, во всем благонадежного и честного человека...*» [7].

В свою очередь «Аттестация на казаков 6 сотни 34 Донского казачьего полка, возбудивших ходатайство командироваться в Екатеринодарскую школу прапорщиков» от лица командования дает такую характеристику: «Приказный Владимир Антонов вел себя отлично; честный, нравственный, к службе относился строго, всегда отличался исполнительностью, очень часто посылался за начальника разъезда; хорошо развитой, начитан, имеет хорошие способности, как сын Войскового старшины хорошо воспитан и вполне интеллигентный, может занять место в офицерской среде» [8]. Как видим, к будущим юнкерам представлялись достаточно высокие требования, которые они оправдывали и свидетельствовали как при поступлении, так и в ходе дальнейшей службы.

Были среди юнкеров Екатеринодарской школы прапорщиков и молодые безудержные романтики, чей разум будоражили и страдания Родины, и неизбежность грядущих перемен. В июне 1917 года началась наступательная операция русских войск на Юго-Западном фронте. В условиях развала русской армии, братания с противником и массового дезертирства опорой военного командования становятся ударные батальоны, куда добровольно вступают сознательные, не утратившие чувства долга военнослужащие. Не остались в стороне и юнкера Екатеринодарской школы прапорщиков. 7 июля 1917 года юнкер пешей сотни Яков Ивлев подает на имя начальника школы рапорт следующего содержания: «...В виду наступления русской армии и формировании в городе Киеве ударных батальонов прошу ходатайствовать о командировании меня в город Киев для зачисления в один из ударных батальонов» [9]. Ему вторит его сослуживец, юнкер пешей сотни Лука Данильченко «Родина в опасности и ей нужны защитники, а потому любовь к ней не дает мне покоя припрятавшимся в стенах школы кричать «Войну нужно доводить до победного конца» ... прошу ходатайства

Юнкер пешей сотни 3-го набора Ивлев Яков Петрович, казак станицы Ханской Майкопского отдела Кубанской области, младший урядник 2-го Кубанского пластунского батальона, рождения 23 октября 1898 года

*Дружинин Александр Кириллович, казак станицы Исправной
Баталташинского отдела Кубанской области, старший урядник
22-го Кубанского пластунского батальона, рождения 26 авгу-
ста 1889 г., закончил Царицынское отделение Императорско-
го Русского музыкального общества, преподаватель музыки.
ГАКК. Ф. 434. Оп. 1. Д. 52. Л. 10)*

о командировании меня в город Киев для зачисления в один из формирующихся ударных батальонов» [10].

На следующий день 8 июля 1917 года юнкер пешей сотни Яков Ивлев получил от начальника Екатеринодарской школы прапорщиков предписание № 5149: «С получением сего предписываю Вам выехать в распоряжение Главнокомандующего Юго-Западным фронтом, для дальнейшего назначения Вас как изъявившего согласие, в один из ударных батальонов на основании копии с телеграммы Начальника Мобилизационного отдела Главного Управления Генерального Штаба от 16 июня 1917 года за № 24477» [11].

Всего же, как видно из служебной записки начальника Екатеринодарской школы прапорщиков полковника М.И. Кwartовкина, начальнику Войскового штаба Кубанского казачьего войска от 10 июля 1917 года в распоряжение Главнокомандующего Юго-Западным фронтом было командировано 6 и 8 июля 1917 года 18 юнкеров, «изъявивших согласие для дальнейшего назначения их в один из ударных батальонов... всем командированным выданы мною винтовки со штыками, подsumки...50 рублевое пособие, заимообразно из сумм школы» [12].

В то время как романтически настроенная молодежь Екатеринодарской школы прапорщиков стремилась спасти Россию на фронтах все еще гроыхающей Первой мировой войны, их более старшие товарищи, убеленные сединами, были одолеваемы более практичными, приземленными проблемами. Несмотря на беспрецедентную вовлеченность подданных Российской империи в политическую жизнь страны бытовые повседневные вопросы требовали участия обывателей. Юнкеру пешей сотни Деомиду Марченко необходимо было отлучиться в трехдневный отпуск в станицу Шкуринскую Кубанской области для определения сына в учебное заведение, о чем он и просил разрешения начальства 16 июня 1917 года. Обращение его сослуживца юнкера пешей сотни Василия Андрейко от 23 июня 1917 года было продиктовано достаточно серьезными для казака основаниями – ему необходим был трехдневный отпуск в станицу Мингрельскую для уборки хлеба, «так как жена моя одна не в состоянии этого сделать, нанять же рабочих рук нет средств» [13].

События в октябре 1917 года, по-разному трактуемые в отечественной историографии, кардинально изменила как

Ильченко Василий Павлович, казак станицы Рождественской, Лабинского отдела Кубанской области, рождения 24 марта 1885 года, учитель, Георгиевский крест 4-й степени 15 мая 1915 г.; Георгиевский крест 3-й степени 10 декабря 1915 г.; Серебряная медаль на Александровской ленте; Серебряная медаль на Станиславской ленте. ГАКК. Ф. 434. Оп. 1. Д. 51. Л. 175)

жизнь юнкеров Екатеринодарской школы прапорщиков, так и самого военно-учебного заведения. Командование и личный состав школы остались верны присяге, большевистский переворот не приняли, оставшись в подчинении Войскового правительства. Однако, разлагающее воздействие смутного, противоречивого, революционного времени стало сказываться и на деятельности Екатеринодарской школы прапорщиков к началу 1918 года.

Одной из проблем стало самовольное оставление школы нижними чинами из обслуживающего персонала и некоторыми юнкерами. К началу 1918 года, в условиях обострения политической обстановки и установления Советской власти на большей части Кубанской области, юнкера начнут изыскивать формальные причины для оставления школы и возвращения домой.

Из рапорта юнкера пешей сотни Екатеринодарской школы прапорщиков Королевского Давида – «Ввиду того, что сверстники мои уволены в войско на льготу и, за неимением средств для дальнейшего приобретения обмундирования, а потому прошу Вашего ходатайства об исключении меня и увольнения в войско на льготу» [14]. И он был не единственный среди юнкеров, кто ссылался на массовую демобилизацию своих сверстников, в остром желании оказаться дома в это беспокойное время.

А время действительно было беспокойное. Телеграмма от юнкера Яковенко от 11 января 1918 года, возвращающегося из отпуска: «Ввиду остановки поездов срок прибыть не могу» [15]. Юнкер Агоев 19 января 1918 года шлет телеграмму из ст. Новоосетинской начальнику школы полковнику Кwartовкину: «Прошу недельный отпуск. Подвергся грабежу на станции Кавказской» [16].

А между тем, начальнику Екатеринодарской школы прапорщиков полковнику Кwartовкину, как и командирам пешей и конной сотен, которые первые визировали рапорта юнкеров, приходилось знакомиться с новыми причинами, по которым не состоявшиеся прапорщики стремились покинуть школу.

Юнкер пешей сотни Стефан Иванович Вечерний 11 января 1918 года так обосновывает свое желание: «30 декабря 1917 г. я был в комиссии врачей при Екатеринодарском отделе, где признан к службе негодным. Ввиду этого и приняв

во внимание слабость моего здоровья, вследствие которого нести военную службу далее я не могу, прошу Вашего распоряжения об исключении меня из списков юнкеров вверенной Вам школы прапорщиков [17]. Младший портупей-юнкер пешей сотни Степан Бухлов 12 января 1918 года в своем рапорте ссылается на следующие обстоятельства: «Ввиду неимения средств для обмундирования, покорнейше прошу Вашего ходатайства об отчислении меня от Екатеринодарской школы прапорщиков» [18].

Согласно «Положения об Екатеринодарской школе подготовки прапорщиков казачьих войск» отчисление из школы по собственному желанию не допускалось [19]. Революция и последовавшие социально-политические изменения в жизни страны отменили многие правила и установления, и 11 января 1918 года юнкер конной сотни Николай Михайличенко обращается с рапортом к своему командиру конной сотни: «Прошу Вашего ходатайства пред Начальником Екатеринодарской школы прапорщиков Казачьих войск об отчислении меня от названной школы по собственному желанию [20].

Спустя три дня, 14 января 1918 года, младший портупей-юнкер пешей сотни Иван Соловьев в своем рапорте к командиру сотни был более категоричен: «Прошу ходатайствовать об исключении меня из списков юнкеров школы в распоряжение Атамана Екатеринодарского отдела, ввиду моего нежелания состоять в школе [21].

Однако не все юнкера стремились покинуть школу прапорщиков, а некоторые, в условиях неопределенности будущего, совершали удивительные поступки, наверняка не укладывающиеся в сознании своих современников. Юнкер конной сотни Семен Кокора 16 января 1918 года подает рапорт: «Желаю продолжать дальнейшие занятия в стенах школы. Прошу Вашего ходатайства о зачислении меня в школу». Резолюция начальника школы прапорщиков: «Зачислить» [22].

А юнкер пешей сотни Екатеринодарской школы прапорщиков Федор Крысин 3 января 1918 года подает рапорт следующего содержания: «Прошу разрешения мне вступить в первый законный брак с дочерью мещанина г. Темрюка девицей Марией Соколовой и о выдаче удостоверения на сей предмет». Вердикт начальника школы полковника Кwartовкина: «Разрешить. Выдать удостоверение» [23].

Революция 1917 года кардинально и навсегда изменила страну и народ – политическая сфера вскипает различными событиями, социальная структура общества рушится и трансформируется, а люди, даже если они военные, обуреваемы разными, противоположными, несовместимыми по своей мотивации желаниями. 19 января 1918 года юнкер конной сотни Федор Чернышев подает рапорт своему командиру сотни: «Ввиду семейных обстоятельств на раздел с братом имущества, прошу Вашего ходатайства об увольнении меня в отпуск в ст. Усть-Лабинскую Кубанской области с 19 по 22 января сего года» [24]. А на следующий день, 20 января 1918 года, его сослуживец, юнкер конной сотни Иван Байсунгуров подает рапорт не по бытовой причине, а имея духовно-возвышенную мотивацию: «Ввиду Гражданской войны терцев с чеченцами, грозящей всему Терскому краю, прошу Вашего ходатайства пред г. Начальником школы об исключении меня из списков юнкеров, дабы идти отстаивать свой родной край» [25].

Естественно, ситуация с личным составом школы и стремлением части юнкеров покинуть её под любым предлогом тревожила как начальника Екатеринодарской школы прапорщиков, так и представителей вышестоящего начальства из числа Войскового правительства. Начальник Екатеринодарской школы прапорщиков полковник Генерального штаба К.Д. Кузнецов, сменивший на этом посту полковника М.И. Кwartовкина, по этому вопросу направляет рапорт начальнику военно-учебных заведений Кубанской области следующего содержания: «К 21 января во вверенной мне школе состоит по списку и на лицо юнкеров казаков 82 человека, горцев 1» [26]. Рапорт был продублирован телефонограммой, из которой видна истинная картина убыли личного состава школы: «Согласно Вашей просьбе по телефону сообщаю, что к 21 января 1918 года в Екатеринодарской школе прапорщиков по списку состоит юнкеров казаков 131 и горцев 1. На лицо казаков 82, горцев 1» [27].

Политическая обстановка в январе 1918 году в Кубанской области становилась все напряженней, и конечно личный состав Екатеринодарской школы прапорщиков вольно или невольно вовлекался в разворачиваемые события. 3 января 1918 года к начальнику Екатеринодарской школы прапорщиков обращается комендант г. Екатеринодара: «По распо-

ряжению Командующего Войсками Начальник гарнизона приказал, ввиду ожидающихся сегодня крупных беспорядков: погрома винного склада и Областного правления, выслать от вверенной Вам части усиленные патрули по городу из всех свободных людей, сосредоточив главное внимание на указанные места». На что начальник школы ответил, что «...юнкера вверенной ему школы отпущены в отпуск до 10 января сего года и свободных людей нет» [28].

В январе 1918 года часть юнкеров Екатеринодарской школы прапорщиков стали вступать в 1-й Кубанский добровольческий отряд В.Л. Покровского, который составит основу вооруженных сил краевого правительства. 15 января 1918 г. юнкера приняли участие в организованной Войсковым правительством демонстрации в поддержку Учредительного собрания [29].

Однако уже в 20-х числах февраля 1918 года стало понятно, что удержать г. Екатеринодар от наступающих красногвардейских отрядов не удастся. В связи с этим, 24 февраля 1918 года начальник школы обращается к члену краевого правительства по военным вопросам полковнику Успенскому: «Прошу скорейшего производства согласно прилагаемых списков 80 юнкеров вверенной мне школы в прапорщики» [30].

Уже на следующий день на основании распоряжения краевого правительства приказом по Кубанскому казачьему войску от 25 февраля 1918 года № 56 все остававшиеся в школе юнкера были произведены в прапорщики [31]. В связи с этим событием, несмотря на напряженную обстановку, атаман А.П. Филимонов обратился к выпускникам школы прапорщиков со следующими словами: «Господа офицеры! В дни тяжелых испытаний нашей дорогой Родины, вступая в ряды доблестного честного русского офицерства, надеюсь, что Вы оправдаете то доверие, которое возлагает на Вас край» [32].

А уже вечером 28 февраля 1918 года вместе с войсками и беженцами Екатеринодарская школа прапорщиков оставила город [33]. 14 марта 1918 года кубанские части соединились с войсками Добровольческой армии. Произведенные 25 февраля в прапорщики бывшие юнкера, влилась в 1-й Офицерский конный полк, с которым летом 1918 года проделали весь второй Кубанский поход, участвуя во всех кровопролитных боях вплоть до освобождения Екатеринодара 16 августа 1918 года [34].

В рамках антропологического подхода, становится возможным понять, насколько непросто было казакам-юнкерам, в условиях смутного революционного времени, определить свой дальнейший вектор жизни, свое место в стремительно раскалываемом на части обществе. Кто-то предпочел крышу родного дома, основная же масса юнкеров октябрьского революционного 1917 года набора осталась верна присяге Кубанскому войсковому правительству. Получив заветное офицерское звание, они защищали Родину, но уже не от внешнего врага, а от внутреннего политического противника, защищая честь и правду, так как они это понимали, исходя из своего казачьего происхождения, воспитания и присяги.

Примечания:

1. Волков С.В. Русский офицерский корпус. Глава III. Подготовка и обучение. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <https://www.genrogge.ru/rok/037.htm>
2. Государственный архив Краснодарского края (далее ГАКК). Ф.434. Оп. 1. Д.1. Л.1.
3. Андреев А. О. Из истории военного училища кубанского генерала М. В. Алексеева // Вестник архивиста Кубани. № 7. 2012. - С. 88.
4. ГАКК. Ф.434. Оп. 1. Д.12. Л.11-12; Л. 15-16.
5. Там же. Л.17-29.
6. ГАКК. Ф.434. Оп. 1. Д.51. Л. 168.
7. ГАКК. Ф.434. Оп. 1. Д.13. Л. 1-1 об.
8. Там же. Л.5.
9. ГАКК. Ф.434. Оп. 1. Д.37. Л. 323.
10. Там же. Л. 371-371 об.
11. ГАКК. Ф.434. Оп. 1. Д.13. Л. 26.
12. ГАКК. Ф.434. Оп. 1. Д.37. Л. 390-390 об.
13. Там же. Л. 293; Л. 295.
14. ГАКК. Ф.434. Оп. 1. Д.37. Л.28.
15. Там же. Л.42.
16. Там же. Л.43.
17. Там же. Л.41.

18. Там же. Л.52.
19. ГАКК. Ф.434. Оп. 1. Д.10.
20. ГАКК. Ф.434. Оп. 1. Д.37. Л.48.
21. Там же. Л.61.
22. Там же. Л.68.
23. Там же. Л.17.
24. Там же. Л. 85.
25. Там же. Л. 108.
26. Там же. Л. 56.
27. Там же. Л. 92.
28. Там же. Л. 152-153.
29. Екатеринодар – Краснодар. Материалы к летописи. Краснодар.1993.С. 403-405.
30. ГАКК. Ф.434. Оп. 1. Д.37. Л.335.
31. Там же. Д.37; Д. 49.
32. Там же. Д.37. Л.203.
33. Екатеринодар – Краснодар. Материалы к летописи. Краснодар.1993.С. 406-408.
34. Волков С.В. Белое движение России. [Электронный ресурс] / Режим доступа: [https:// www.swolkov.narod.ru](https://www.swolkov.narod.ru)

СОДЕРЖАНИЕ

1. От составителя	3
-------------------------	---

2. ЛЕМНОССКИЙ ДНЕВНИК ЮНКЕРА КУБАНСКОГО ВОЕННОГО УЧИЛИЩА ИМ. ГЕНЕРАЛА М.В. АЛЕКСЕЕ- ВА ВЛАДИМИРА ОТРЕШКО 1920-1921 ГГ.	6
---	---

ПРИЛОЖЕНИЯ

3. К 100-ЛЕТИЮ СОЗДАНИЯ КУБАНСКОГО ГЕНЕРАЛА М.В. АЛЕКСЕЕВА ВОЕННОГО УЧИЛИЩА В ДЕКАБРЕ 1918 ГОДА В Г. ЕКАТЕРИНОДАРЕ Андреев А.О.	74
---	----

4. ЕКАТЕРИНОДАРСКАЯ ШКОЛА ПРАПОРЩИКОВ: ЛЮДИ И ПОСТУПКИ В ПЕРИОД СМУТНОГО ВРЕМЕ- НИ РЕВОЛЮЦИИ И НАЧАЛА ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ 1917-1918 ГГ. Дюкарев А.В.	93
---	----

*Общество развития русского исторического просвещения
«Двуглавый орел»*

*Отраденское районное общество историков-архивистов
во имя святого преподобного Нестора Летописца*

**ЛЕМНОССКИЙ ДНЕВНИК
юнкера Кубанского военного
училища им. Генерала М.В. Алексеева
Владимира Отрешко
1920-1921 гг.**

ISBN 978-5-905789-04-8

Технический редактор А.Г. Надыршин
Компьютерная верстка А.Г. Надыршин

Подписано в печать: 8.08.2018 г.
Формат 60х84/16. Гарнитура «Times».
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,75. Тираж 300 экз.